

Произведения поэтов и писателей России

Поэзия

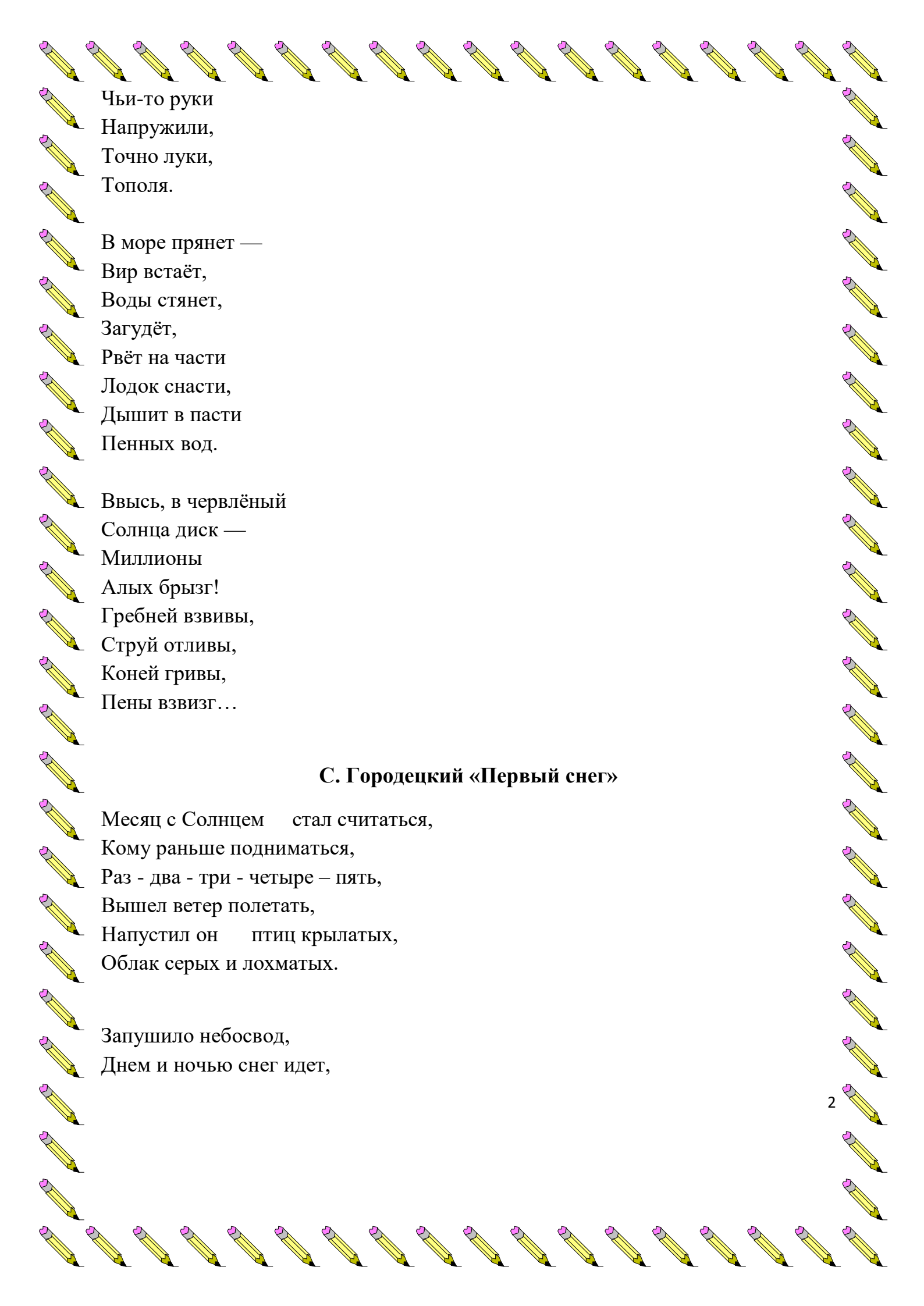
С. Волошин «Осенью»

Рдяны краски,
Воздух чист;
Вьётся в пляске
Красный лист, —
Это осень,
Далей просинь,
Гулы сосен,
Веток свист.

Ветер клонит
Ряд ракии,
Листья гонит
И вихрит
Вихрей рати,
И на скате
Перекаати-
Поле мчит.

Воды мутит,
Гонит гам,
Рыщет, крутит
Здесь и там —
По нагорьям,
Плоскогорьям,
Лукоморьям
И морям.

Заверть пыли
Чрез поля
Вихри взвили, Пепеля;

Чьи-то руки
Напружили,
Точно луки,
Тополя.

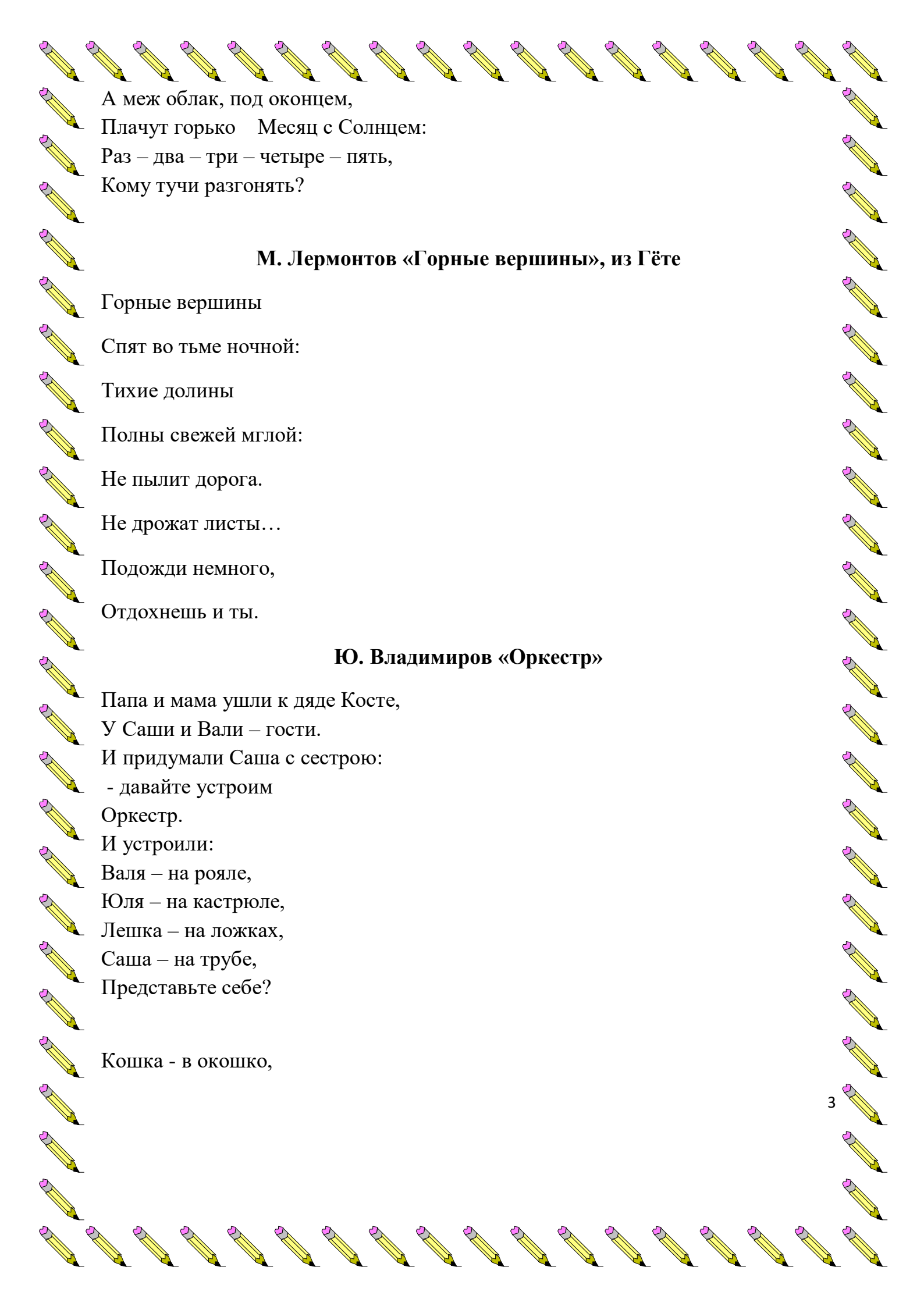
В море прянет —
Вир встаёт,
Воды стянет,
Загудёт,
Рвёт на части
Лодок снасти,
Дышит в пасти
Пенных вод.

Ввысь, в червлёный
Солнца диск —
Миллионы
Алых брызг!
Гребней взвивы,
Струй отливы,
Коней гривы,
Пены взвизг...

С. Городецкий «Первый снег»

Месяц с Солнцем стал считаться,
Кому раньше подниматься,
Раз - два - три - четыре - пять,
Вышел ветер полетать,
Напустил он птиц крылатых,
Облак серых и лохматых.

Запушило небосвод,
Днем и ночью снег идет,

А меж облак, под оконцем,
Плачут горько Месяц с Солнцем:
Раз – два – три – четыре – пять,
Кому тучи разгонять?

М. Лермонтов «Горные вершины», из Гёте

Горные вершины
Спят во тьме ночной:
Тихие долины
Полны свежей мглой:
Не пылит дорога.
Не дрожат листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

Ю. Владимиров «Оркестр»

Папа и мама ушли к дяде Косте,
У Саши и Вали – гости.
И придумали Саша с сестрою:
- давайте устроим
Оркестр.
И устроили:
Валя – на рояле,
Юля – на кастрюле,
Лешка – на ложках,
Саша – на трубе,
Представьте себе?
Кошка - в окошко,

Кот - под комод,

Дог - со всех ног

На порог

И на улицу.

И по всем по этажам –

Страшный шум, страшный гам;

Кричат во втором:

- Рушится дом!

Провалился этаж!

Схватили саквояж

Лампу, сервиз,

И - вниз.

А в парадном говорят:

- Без сомнения –

Наводнение.

Захватили сундуки

И - на чердаки.

А на улице, где дом,

Разгром:

Очень страшно, очень жутко,

Своротила лошадь будку.

Страшный шум, страшный крик –

В лавку въехал грузовик...

Прибегает управдом:

- Почему такой содом?

Где пожар, где обвал?!

И оркестр увидал:

Валя – на рояле,

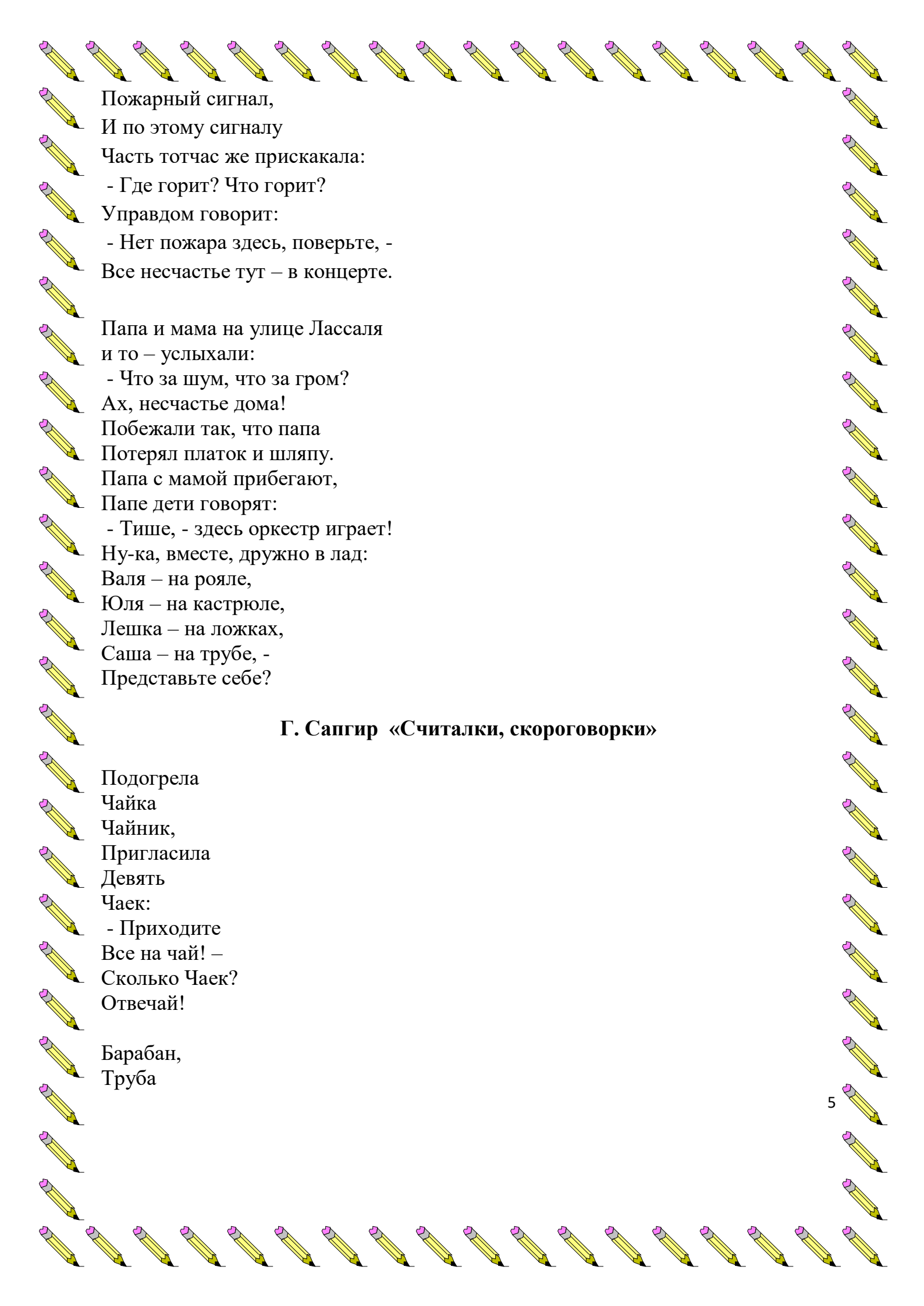
Юля – на кастрюле,

Лешка – на ложках,

Саша – на трубе,

Представьте себе?

А дворник дал

Пожарный сигнал,
И по этому сигналу
Часть тотчас же прискакала:
- Где горит? Что горит?
Управдом говорит:
- Нет пожара здесь, поверьте, -
Все несчастье тут – в концерте.

Папа и мама на улице Лассалья
и то – услышали:
- Что за шум, что за гром?
Ах, несчастье дома!
Побежали так, что папа
Потерял платок и шляпу.
Папа с мамой прибегают,
Папе дети говорят:
- Тише, - здесь оркестр играет!
Ну-ка, вместе, дружно в лад:
Валя – на рояле,
Юля – на кастрюле,
Лешка – на ложках,
Саша – на трубе, -
Представьте себе?

Г. Сапгир «Считалки, скороговорки»

Подогрела
Чайка
Чайник,
Пригласила
Девять
Чаяк:
- Приходите
Все на чай! –
Сколько Чаяк?
Отвечай!

Барабан,
Труба

И бубен.

Бык,

Баран

И белый пудель –

Что играют,

Не пойму:

- Гав!

- Бе!

- Му!

Дятел, дятел –

Мой приятель

Дуб долбит,

Как долотом,

Помоги мне,

Дядя дятел,

Для

Скворцов

Построить

Дом.

За поселком

У проселка

В поле пела

Перепелка.

Перепел

Прилетел,

Перепелку

Перепел. – Что везешь,

Автомашина?

- Все, что есть

На букву «А».

Вот

Арбузы,

Апельсины,

Абрикосы

И Айва!

С. Есенин «Пороша»

Еду. Тих. Слышны звоны
Под копытом на снегу.
Только серые вороны
Расшумелись на лугу.

Заколдован невидимкой,
Дремлет лес под сказку сна.
Словно белой косынкой
Подвязалась сосна.
Понагнулась, как старушка,
Оперлася на клюку,

А над самой макушкой
Долбит дятел на суку.
Скачет конь, простору много,
Валит снег и стелет шаль.
Бесконечная дорога
Убегает лентой вдаль.

А. Пушкин «Зима! Крестьянин торжествуя...»

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысью как-нибудь;
Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке.
Вот бегают дворовый мальчик,
В салазки жучку посадив,
Себя в коня преобразив;
Шалун уж отморозил пальчик:
Ему и больно и смешно,
А мать грозит ему в окно... (Из поэмы «Евгений Онегин»)

А. Пушкин «Птичка»

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.

Я стал доступен утешенью;
За что на бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

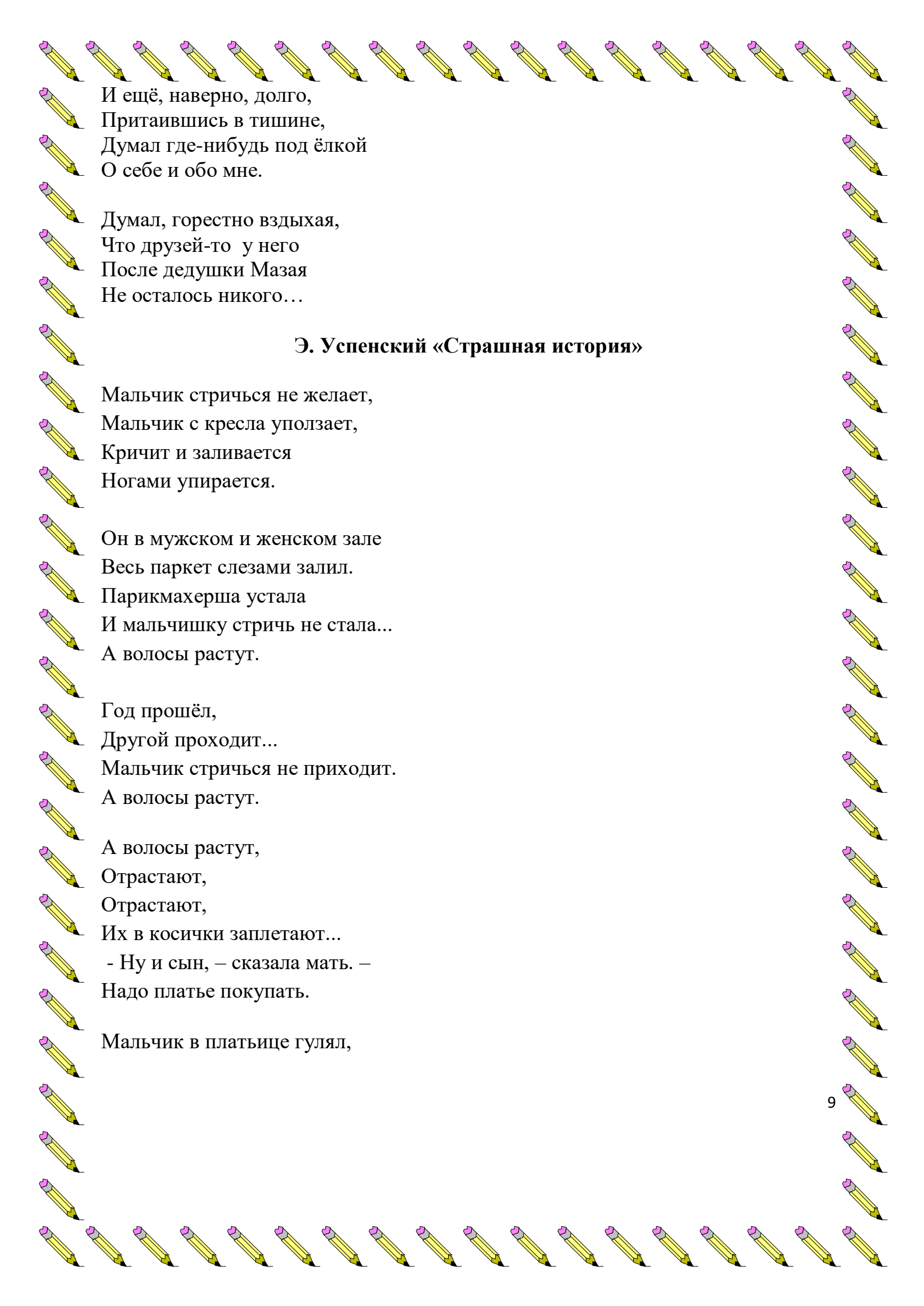
П. Соловьева «Ночь и день»

Ночь зимой – как черный кот,
День – как серенькая мышь,
Но весна, весна идёт,
Ярко, звонко каплет с крыш.
Уж морозу не сдержать
Шумной радости ручьев,
Стали птицы прилетать,
Звонче щебет воробьев.
Исчезает тьма и мышь,
И теперь наоборот:
Ночь – как серенькая мышь,
День – большой, блестящий кот.

Н. Рубцов «Про зайца»

Заяц в лес бежал по лугу,
Я из леса шел домой –
Бедный заяц с перепугу
Так и сел передо мной!

Так и обмер, бестолковый,
Но, конечно, в тот же миг
Поскакал в лесок сосновый,
Слыша мой весёлый крик.

И ещё, наверно, долго,
Притаившись в тишине,
Думал где-нибудь под ёлкой
О себе и обо мне.

Думал, горестно вздыхая,
Что друзей-то у него
После дедушки Мазая
Не осталось никого...

Э. Успенский «Страшная история»

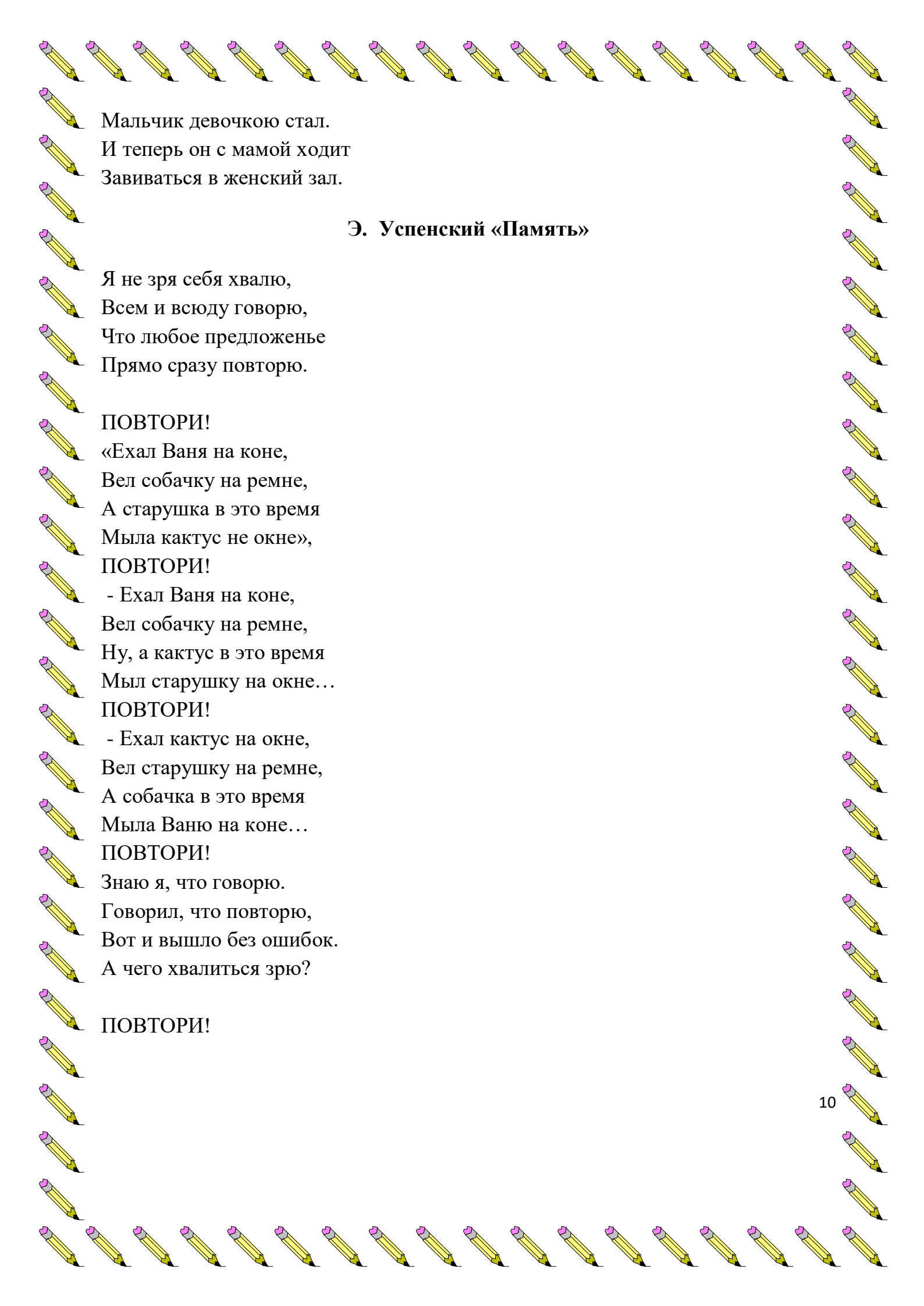
Мальчик стричься не желает,
Мальчик с кресла уползает,
Кричит и заливается
Ногами упирается.

Он в мужском и женском зале
Весь паркет слезами залил.
Парикмахерша устала
И мальчишку стричь не стала...
А волосы растут.

Год прошёл,
Другой проходит...
Мальчик стричься не приходит.
А волосы растут.

А волосы растут,
Отрастают,
Отрастают,
Их в косички заплетают...
- Ну и сын, – сказала мать. –
Надо платье покупать.

Мальчик в платице гулял,

Мальчик девочкою стал.
И теперь он с мамой ходит
Завиваться в женский зал.

Э. Успенский «Память»

Я не зря себя хвалю,
Всем и всюду говорю,
Что любое предложенье
Прямо сразу повторяю.

ПОВТОРИ!

«Ехал Ваня на коне,
Вел собачку на ремне,
А старушка в это время
Мыла кактус на окне»,

ПОВТОРИ!

- Ехал Ваня на коне,
Вел собачку на ремне,
Ну, а кактус в это время
Мыл старушку на окне...

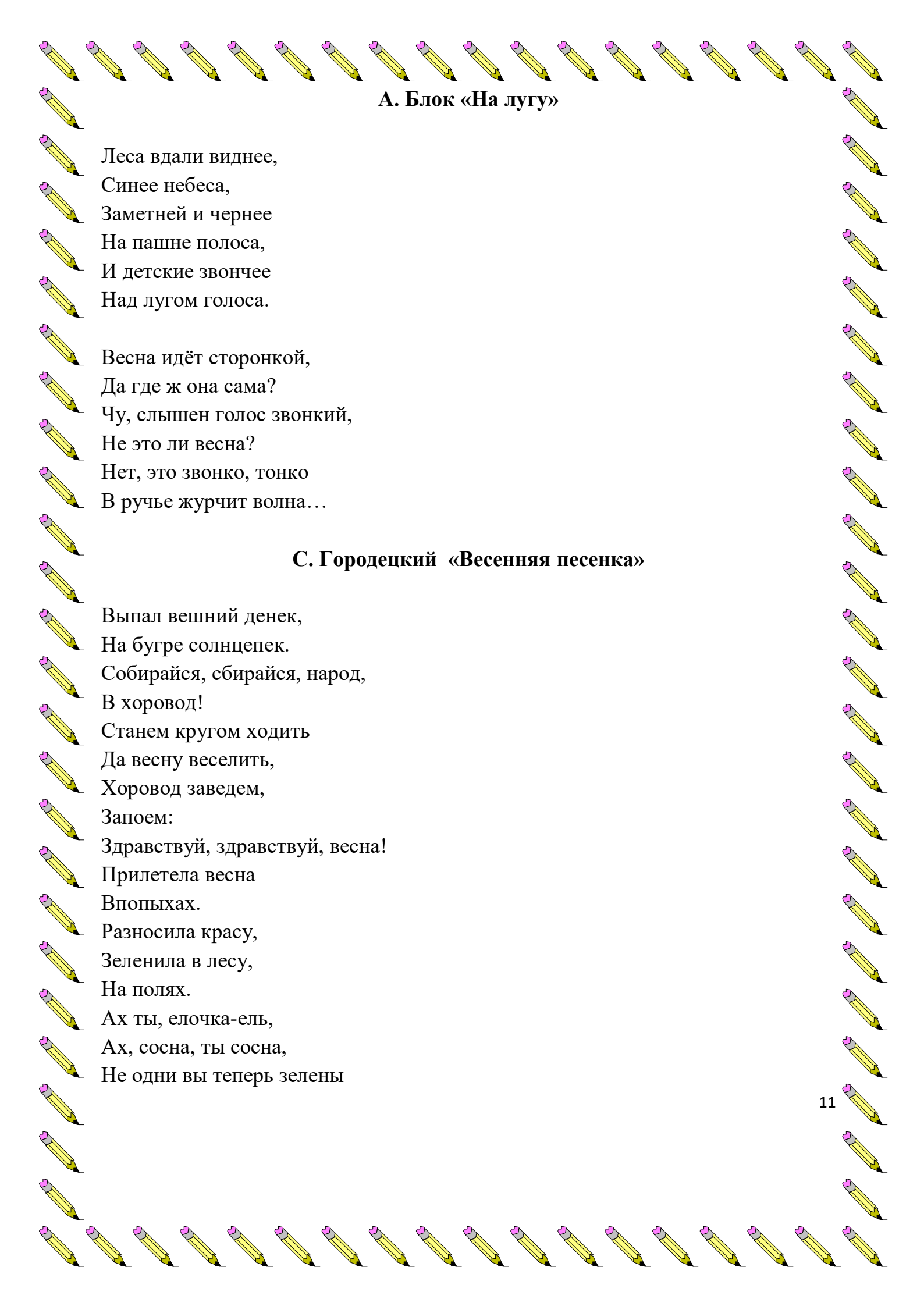
ПОВТОРИ!

- Ехал кактус на окне,
Вел старушку на ремне,
А собачка в это время
Мыла Ваню на коне...

ПОВТОРИ!

Знаю я, что говорю.
Говорил, что повторяю,
Вот и вышло без ошибок.
А чего хвалиться зрю?

ПОВТОРИ!

А. Блок «На лугу»

Леса вдали виднее,
Синее небеса,
Заметней и чернее
На пашне полоса,
И детские звонче
Над лугом голоса.

Весна идёт сторонкой,
Да где ж она сама?
Чу, слышен голос звонкий,
Не это ли весна?
Нет, это звонко, тонко
В ручье журчит волна...

С. Городецкий «Весенняя песенка»

Выпал вешний денек,
На бугре солнцепек.
Собирайся, собирайся, народ,
В хоровод!
Станем кругом ходить
Да весну веселить,
Хоровод заведем,
Запоем:
Здравствуй, здравствуй, весна!
Прилетела весна
Впопыхах.
Разносила красу,
Зеленила в лесу,
На полях.
Ах ты, елочка-ель,
Ах, сосна, ты сосна,
Не одни вы теперь зелены

У весны!

Вешний воздух, как хмель,

И пьянит, веселит,

И зовет

В хоровод.

Будем кругом идти,

Ты, весна, залети

В тесный круг.

Улыбнись, озари

И цветами весь луг

Убери!

В. Жуковский «Жаворонок» (в сокр.)

На солнце темный лес зардел,

В долине пар белеет тонкий,

И песню раннюю запел

В лазури жаворонок звонкий.

Он голосисто с вышины

Поет, на солнышке сверкая:

- Весна пришла к нам молодая,

Я здесь пою приход весны!

Ф. Тютчев «Весенние воды»

Еще в полях белеет снег.

А воды уж весной шумят –

Бегут и будят сонный брег,

Бегут, и блещут, и гласят...

Они гласят во все концы:

«Весна идёт, весна идёт.

Мы молодой весны гонцы,

Она нас выслала вперед!

Весна идет, весна идет.

И тихих, теплых майских дней

Румяный, светлый хоровод

Толпится весело за ней!

А. Фет «Уж верба вся пушистая...»

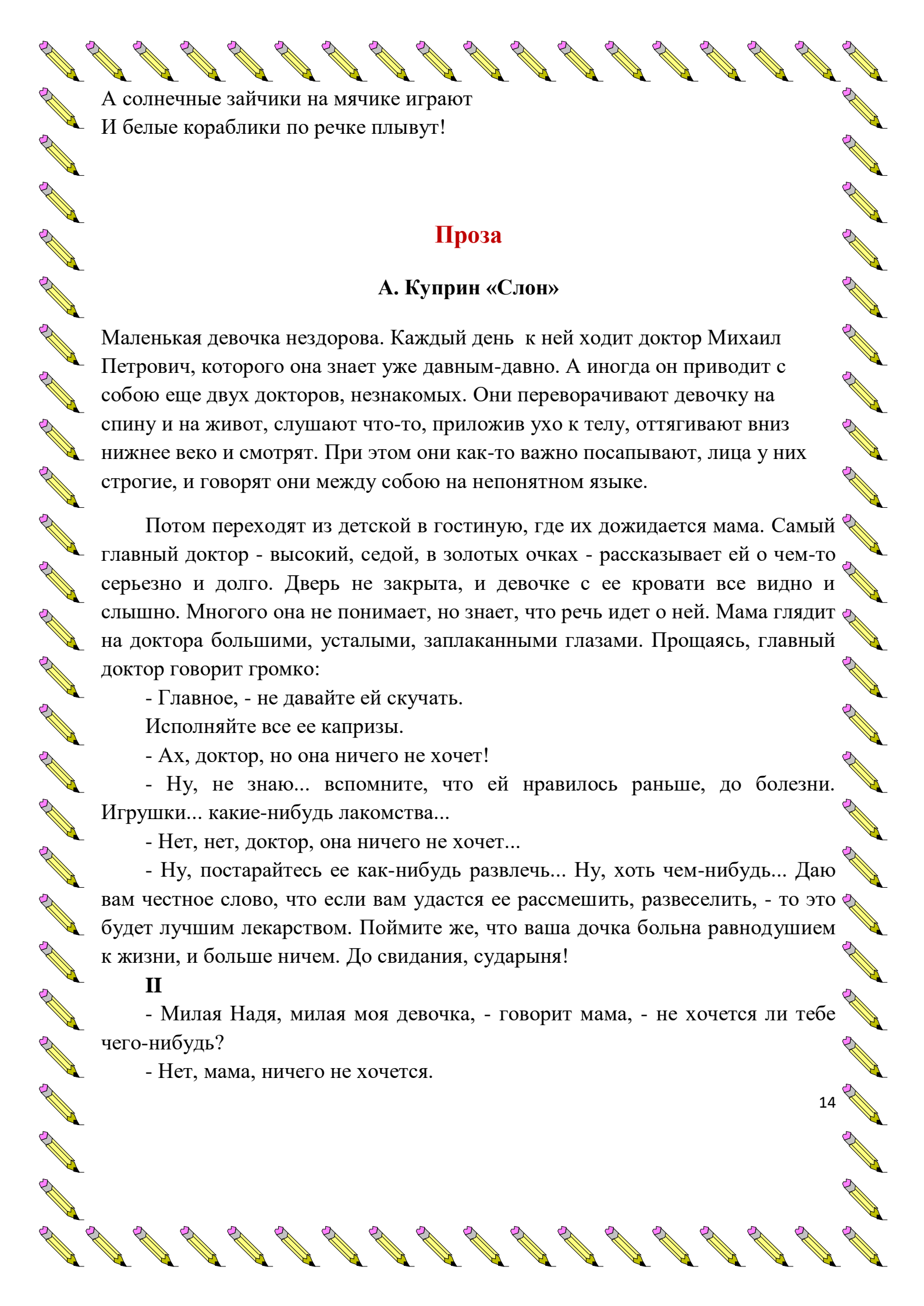
Уж верба вся пушистая
Раскинулась кругом;
Опять весна душистая
Повеяла крылом.

Станицей тучки носят,
Тепло озарены.
И в душу снова просятся
Пленительные сны.

Везде разнообразною
Картиной занят взгляд,
Шумит толпою праздною
Народ. Чему – то рад...

Н. Заболоцкий «На реке»

Вот посмотрите-ка, какое представленье!
Каждый удивляется, кто близко подойдет!
Двадцать три разбойника в это воскресенье
Сделали на речку разбойничий налет.
Атаман Ванюшка с Николашкой вместе
В лодку залезли, поехали на юг.
Только отъехали, а лодка ни с места:
Ребята прицепились, ехать не дают. Батюшки! Матушки!
Громче паровоза
Воет какой-то ужасный зверь!
Это Парамошка выкупал Барбоса:
- Будешь ты, Барбоска, чистенький теперь.
Разбойники на солнышке лежат - загорают,
Разбойники по мячику ладошками бьют,

А солнечные зайчики на мячике играют
И белые кораблики по речке плывут!

Проза

А. Куприн «Слон»

Маленькая девочка нездорова. Каждый день к ней ходит доктор Михаил Петрович, которого она знает уже давным-давно. А иногда он приводит с собою еще двух докторов, незнакомых. Они переворачивают девочку на спину и на живот, слушают что-то, приложив ухо к телу, оттягивают вниз нижнее веко и смотрят. При этом они как-то важно посапывают, лица у них строгие, и говорят они между собою на непонятном языке.

Потом переходят из детской в гостиную, где их дожидается мама. Самый главный доктор - высокий, седой, в золотых очках - рассказывает ей о чем-то серьезно и долго. Дверь не закрыта, и девочке с ее кровати все видно и слышно. Многого она не понимает, но знает, что речь идет о ней. Мама глядит на доктора большими, усталыми, заплаканными глазами. Прощаясь, главный доктор говорит громко:

- Главное, - не давайте ей скучать.

Исполняйте все ее капризы.

- Ах, доктор, но она ничего не хочет!

- Ну, не знаю... вспомните, что ей нравилось раньше, до болезни.

Игрушки... какие-нибудь лакомства...

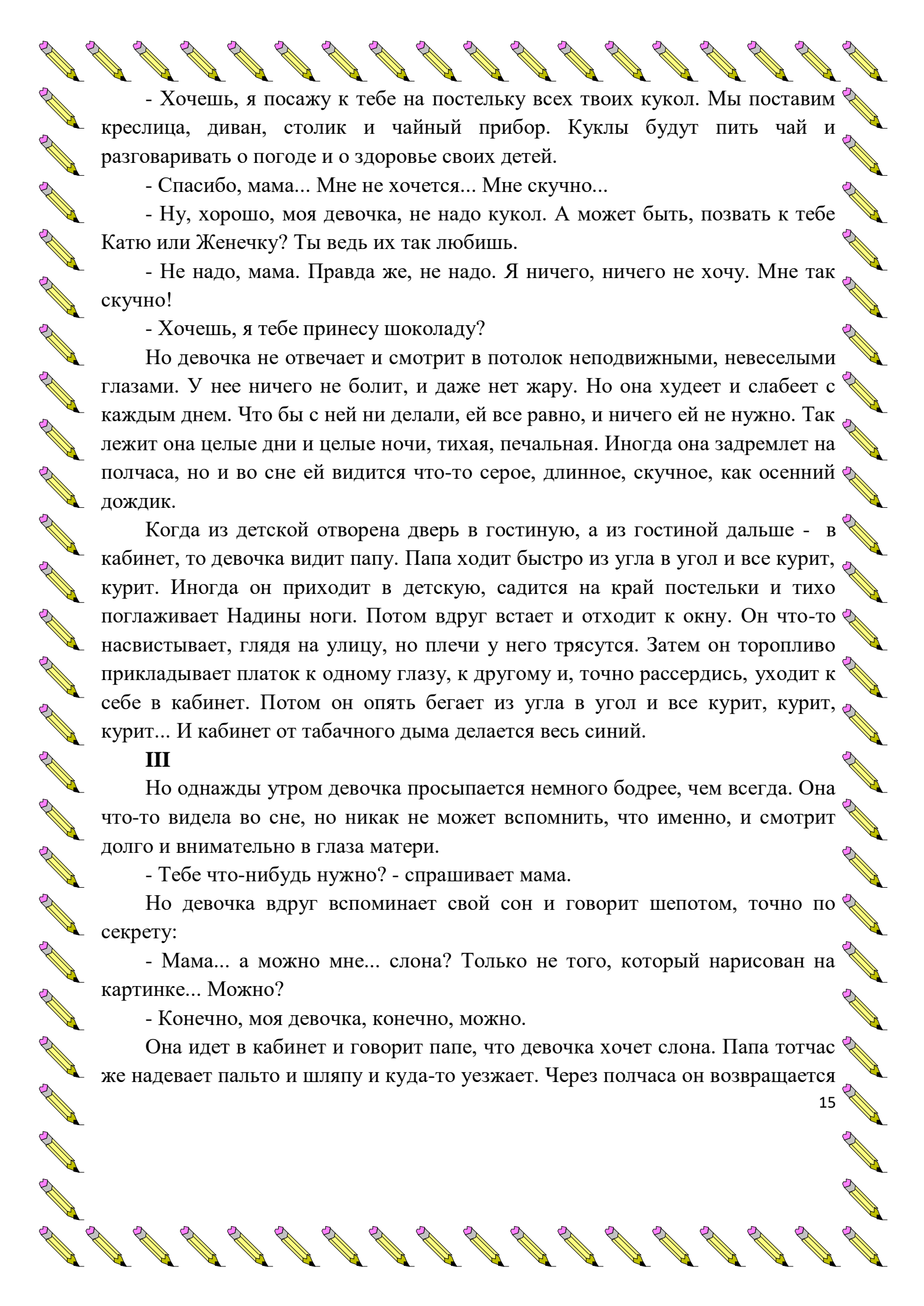
- Нет, нет, доктор, она ничего не хочет...

- Ну, постарайтесь ее как-нибудь развлечь... Ну, хоть чем-нибудь... Даю вам честное слово, что если вам удастся ее рассмешить, развеселить, - то это будет лучшим лекарством. Поймите же, что ваша дочка больна равнодушием к жизни, и больше ничем. До свидания, сударыня!

II

- Милая Надя, милая моя девочка, - говорит мама, - не хочется ли тебе чего-нибудь?

- Нет, мама, ничего не хочется.

- Хочешь, я посажу к тебе на постельку всех твоих кукол. Мы поставим креслица, диван, столик и чайный прибор. Куклы будут пить чай и разговаривать о погоде и о здоровье своих детей.

- Спасибо, мама... Мне не хочется... Мне скучно...

- Ну, хорошо, моя девочка, не надо кукол. А может быть, позвать к тебе Катю или Женечку? Ты ведь их так любишь.

- Не надо, мама. Правда же, не надо. Я ничего, ничего не хочу. Мне так скучно!

- Хочешь, я тебе принесу шоколаду?

Но девочка не отвечает и смотрит в потолок неподвижными, невеселыми глазами. У нее ничего не болит, и даже нет жару. Но она худеет и слабеет с каждым днем. Что бы с ней ни делали, ей все равно, и ничего ей не нужно. Так лежит она целые дни и целые ночи, тихая, печальная. Иногда она задремлет на полчаса, но и во сне ей видится что-то серое, длинное, скучное, как осенний дождик.

Когда из детской отворена дверь в гостиную, а из гостиной дальше - в кабинет, то девочка видит папу. Папа ходит быстро из угла в угол и все курит, курит. Иногда он приходит в детскую, садится на край постельки и тихо поглаживает Надины ноги. Потом вдруг встает и отходит к окну. Он что-то насвистывает, глядя на улицу, но плечи у него трясутся. Затем он торопливо прикладывает платок к одному глазу, к другому и, точно рассердись, уходит к себе в кабинет. Потом он опять бегаёт из угла в угол и все курит, курит, курит... И кабинет от табачного дыма делается весь синий.

III

Но однажды утром девочка просыпается немного бодрее, чем всегда. Она что-то видела во сне, но никак не может вспомнить, что именно, и смотрит долго и внимательно в глаза матери.

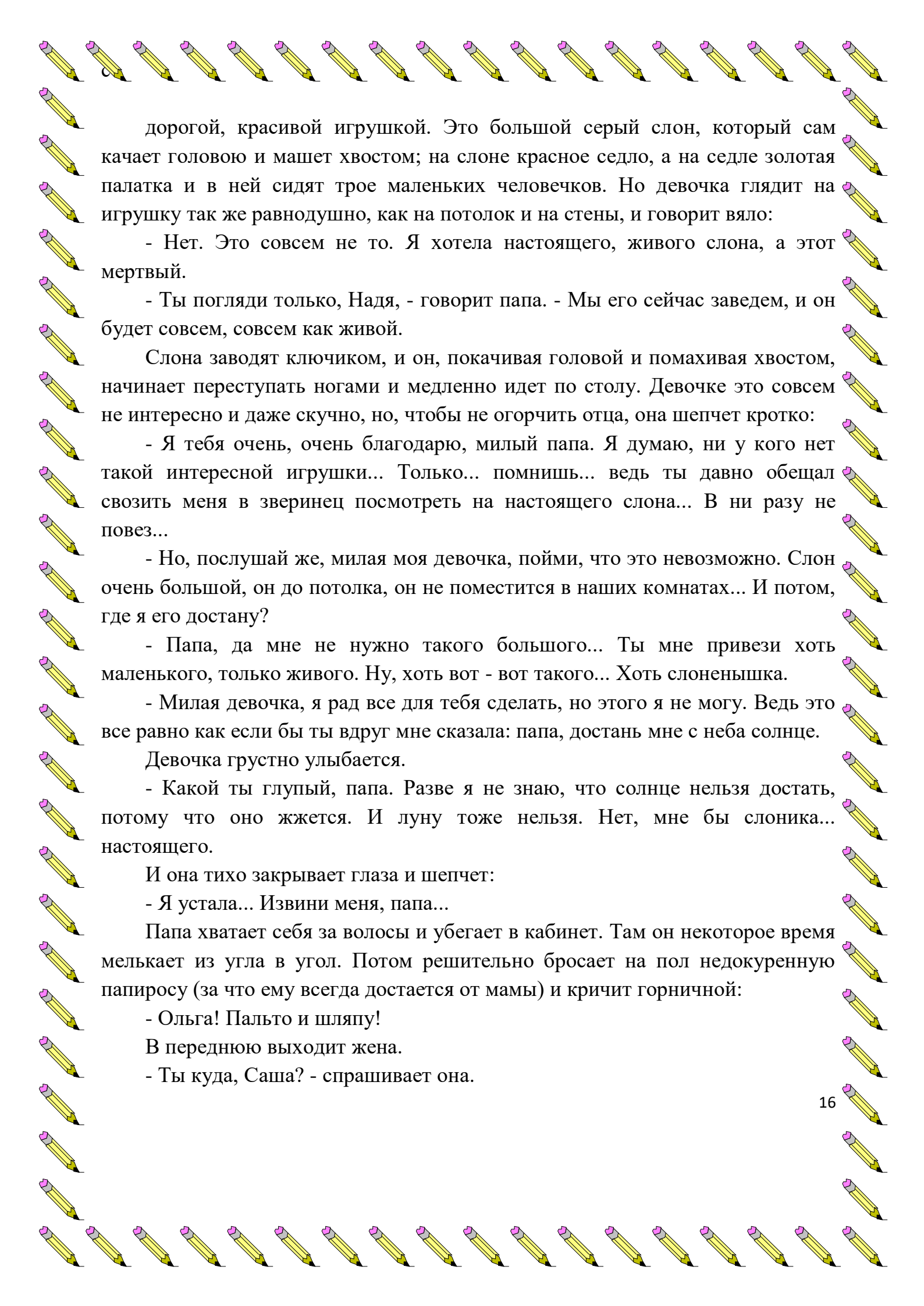
- Тебе что-нибудь нужно? - спрашивает мама.

Но девочка вдруг вспоминает свой сон и говорит шепотом, точно по секрету:

- Мама... а можно мне... слона? Только не того, который нарисован на картинке... Можно?

- Конечно, моя девочка, конечно, можно.

Она идет в кабинет и говорит папе, что девочка хочет слона. Папа тотчас же надевает пальто и шляпу и куда-то уезжает. Через полчаса он возвращается

дорогой, красивой игрушкой. Это большой серый слон, который сам качает головою и машет хвостом; на слоне красное седло, а на седле золотая палатка и в ней сидят трое маленьких человечков. Но девочка глядит на игрушку так же равнодушно, как на потолок и на стены, и говорит вяло:

- Нет. Это совсем не то. Я хотела настоящего, живого слона, а этот мертвый.

- Ты погляди только, Надя, - говорит папа. - Мы его сейчас заведем, и он будет совсем, совсем как живой.

Слона заводят ключиком, и он, покачивая головой и помахая хвостом, начинает переступать ногами и медленно идет по столу. Девочке это совсем не интересно и даже скучно, но, чтобы не огорчить отца, она шепчет кротко:

- Я тебя очень, очень благодарю, милый папа. Я думаю, ни у кого нет такой интересной игрушки... Только... помнишь... ведь ты давно обещал свозить меня в зверинец посмотреть на настоящего слона... В ни разу не повез...

- Но, послушай же, милая моя девочка, пойми, что это невозможно. Слон очень большой, он до потолка, он не поместится в наших комнатах... И потом, где я его достану?

- Папа, да мне не нужно такого большого... Ты мне привези хоть маленького, только живого. Ну, хоть вот - вот такого... Хоть слоненюшка.

- Милая девочка, я рад все для тебя сделать, но этого я не могу. Ведь это все равно как если бы ты вдруг мне сказала: папа, достань мне с неба солнце.

Девочка грустно улыбается.

- Какой ты глупый, папа. Разве я не знаю, что солнце нельзя достать, потому что оно жжется. И луну тоже нельзя. Нет, мне бы слоника... настоящего.

И она тихо закрывает глаза и шепчет:

- Я устала... Извини меня, папа...

Папа хватается себя за волосы и убегает в кабинет. Там он некоторое время мелькает из угла в угол. Потом решительно бросает на пол недокуренную папиросу (за что ему всегда достается от мамы) и кричит горничной:

- Ольга! Пальто и шляпу!

В переднюю выходит жена.

- Ты куда, Саша? - спрашивает она.

Он тяжело дышит, застегивая пуговицы пальто.

- Я сам, Машенька, не знаю куда... только, кажется, я сегодня к вечеру и в самом деле приведу сюда, к нам, настоящего слона.

Жена смотрит на него тревожно.

- Милый, здоров ли ты? Не болит ли у тебя голова? Может быть, ты плохо спал сегодня?

- Я совсем не спал, - отвечает он сердито. - Я вижу, ты хочешь спросить, не сошел ли я с ума? Покамест нет еще. До свиданья! Вечером все будет видно.

И он исчезает, громко хлопнув входной дверью.

IV

Через два часа он сидит в зверинце, в первом ряду, и смотрит, как ученые звери по приказанию хозяина выделывают разные штуки. Умные собаки прыгают, кувыркаются, танцуют, поют под музыку, складывают слова из больших картонных букв. Обезьянки - одни в красных юбках, другие в синих штанишках - ходят по канату и ездят верхом на большом пуделе. Огромные рыжие львы скачут сквозь горящие обручи. Неуклюжий тюлень стреляет из пистолета. Под конец выводят слонов. Их три: один большой, два совсем маленькие, карлики, но все-таки ростом куда больше, чем лошадь. Странно смотреть, как эти громадные животные, на вид такие неповоротливые и тяжелые, исполняют самые трудные фокусы, которые не под силу и очень ловкому человеку. Особенно отличается самый большой слон. Он становится сначала на задние лапы, садится, становится на голову, ногами вверх, ходит по деревянным бутылкам, ходит по катящейся бочке, переворачивает хоботом страницы большой картонной книги и, наконец, садится за стол и, повязавшись салфеткой, обедает, совсем как благовоспитанный мальчик.

Представление оканчивается. Зрители расходятся. Надин отец подходит к толстому немцу, хозяину зверинца. Хозяин стоит за дощатой перегородкой и держит во рту большую черную сигару.

- Извините, пожалуйста, - говорит Надин отец. - Не можете ли вы отпустить вашего слона ко мне домой на некоторое время?

Немец от удивления широко открывает глаза и даже рот, отчего сигара падает на землю. Он, кряхтя, нагибается, подымает сигару, вставляет ее опять в рот и только тогда произносит:

- Отпустить? Слона? Домой? Я вас не понимаю.

По глазам немца видно, что он тоже хочет спросить, не болит ли у Надиного отца голова... Но отец поспешно объясняет, в чем дело: его единственная дочь, Надя, больна какой-то странной болезнью, которой даже доктора не понимают, как следует. Она лежит уж месяц в кроватке, худеет, слабеет с каждым днем, ничем не интересуется, скучает и потихоньку гаснет. Доктора велят ее развлекать, но ей ничто не нравится; велят исполнять все ее желания, но у нее нет никаких желаний. Сегодня она захотела видеть живого слона. Неужели это невозможно сделать?

И он добавляет дрожащим голосом, взявши немца за пуговицу пальто:

- Ну вот... Я, конечно, надеюсь, что моя девочка выздоровеет. Но... но... а вдруг ее болезнь окончится плохо... вдруг девочка умрет?.. Подумайте только: ведь меня всю жизнь будет мучить мысль, что я не исполнил ее последнего желания!..

Немец хмурится и в раздумье чешет мизинцем левую бровь. Наконец он спрашивает:

- Гм... А сколько вашей девочке лет?

- Шесть.

- Гм... Моей Лизе тоже шесть. ... Но, знаете, вам это будет дорого стоить.

Придется привести слона ночью и только на следующую ночь увести обратно. Днем нельзя. Соберется публикум, и сделается один скандал... Таким образом, выходит, что я теряю целый день, и вы мне должны возратить убыток.

- О, конечно, конечно... не беспокойтесь об этом...

- Потом: позволит ли полиция водить один слон в один дом?

- Я это устрою. Позволит.

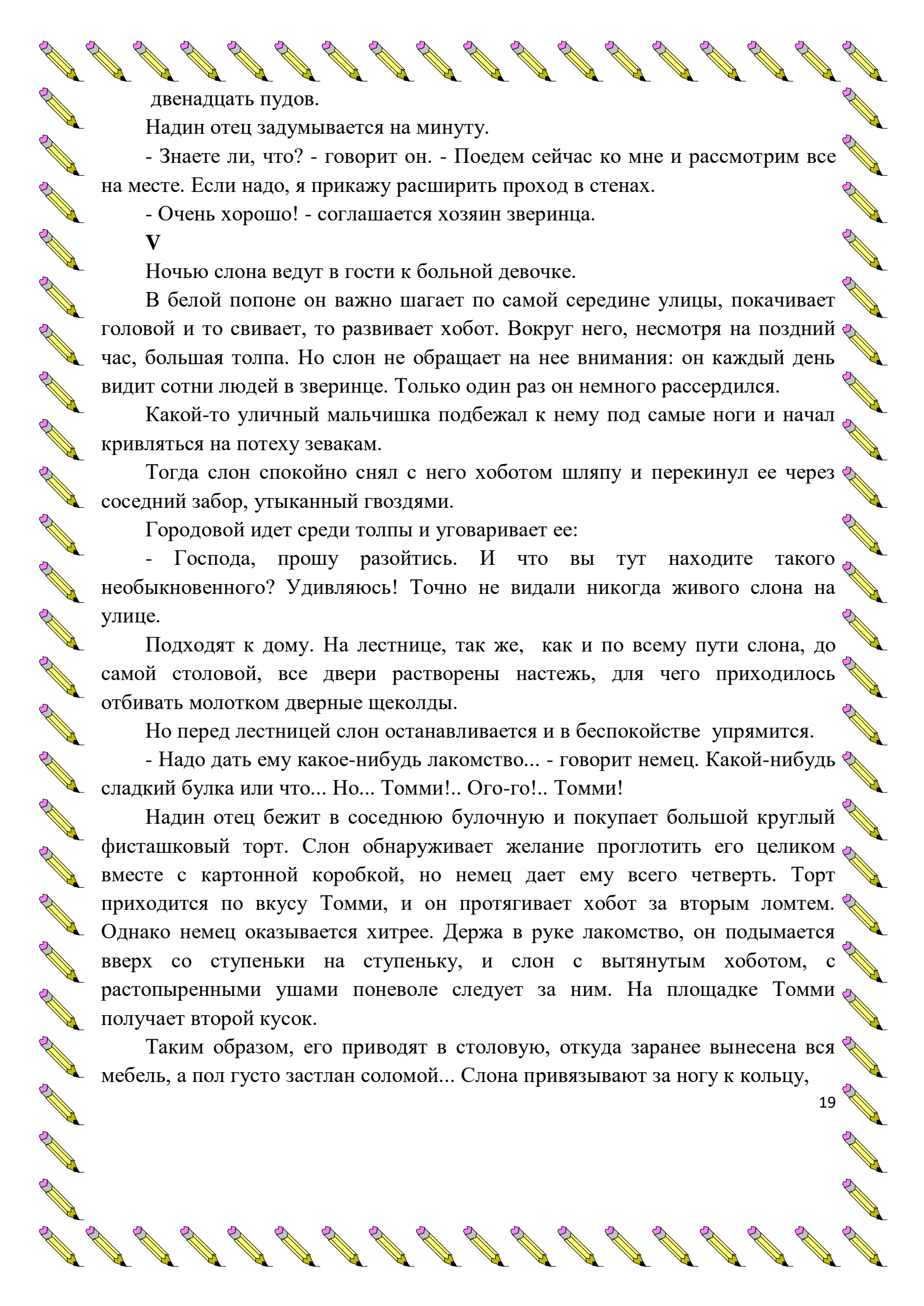
- Еще один вопрос: позволит ли хозяин вашего дома вводить в свой дом один слон?

- Позволит. Я сам хозяин этого дома.

- Ага! Это еще лучше. И потом еще один вопрос, в котором этаже вы живете?

- Во втором.

- Гм... Это уже не так хорошо... Имеете ли вы в своем доме широкую лестницу, высокий потолок, большую комнату, широкие двери и очень крепкий пол? Потому что мой Томми имеет высоту три аршина и четыре вершка, а в длину пять с половиной аршин. Кроме того, он весит сто

двенадцать пудов.

Надин отец задумывается на минуту.

- Знаете ли, что? - говорит он. - Поедем сейчас ко мне и рассмотрим все на месте. Если надо, я прикажу расширить проход в стенах.

- Очень хорошо! - соглашается хозяин зверинца.

▼

Ночью слона ведут в гости к больной девочке.

В белой попоне он важно шагает по самой середине улицы, покачивает головой и то свивает, то развивает хобот. Вокруг него, несмотря на поздний час, большая толпа. Но слон не обращает на нее внимания: он каждый день видит сотни людей в зверинце. Только один раз он немного рассердился.

Какой-то уличный мальчишка подбежал к нему под самые ноги и начал кривляться на потеху зевакам.

Тогда слон спокойно снял с него хоботом шляпу и перекинул ее через соседний забор, утыканный гвоздями.

Городовой идет среди толпы и уговаривает ее:

- Господа, прошу разойтись. И что вы тут находите такого необыкновенного? Удивляюсь! Точно не видали никогда живого слона на улице.

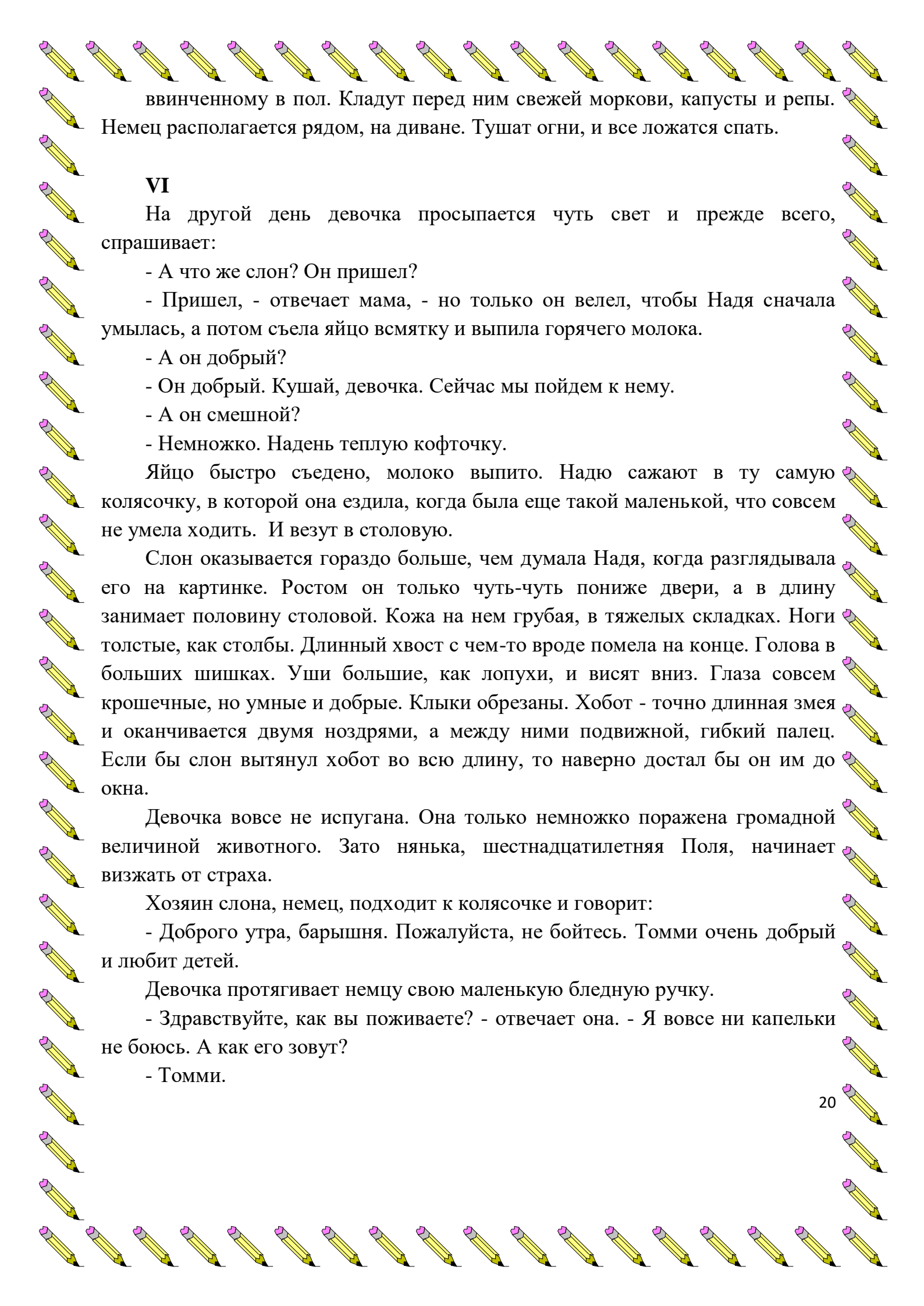
Подходят к дому. На лестнице, так же, как и по всему пути слона, до самой столовой, все двери растворены настежь, для чего приходилось отбивать молотком дверные щеколды.

Но перед лестницей слон останавливается и в беспокойстве упрямится.

- Надо дать ему какое-нибудь лакомство... - говорит немец. Какой-нибудь сладкий булка или что... Но... Томми!.. Ого-го!.. Томми!

Надин отец бежит в соседнюю булочную и покупает большой круглый фисташковый торт. Слон обнаруживает желание проглотить его целиком вместе с картонной коробкой, но немец дает ему всего четверть. Торт приходится по вкусу Томми, и он протягивает хобот за вторым ломтем. Однако немец оказывается хитрее. Держа в руке лакомство, он подымается вверх со ступеньки на ступеньку, и слон с вытянутым хоботом, с растопыренными ушами поневоле следует за ним. На площадке Томми получает второй кусок.

Таким образом, его приводят в столовую, откуда заранее вынесена вся мебель, а пол густо застлан соломой... Слона привязывают за ногу к кольцу,

ввинченному в пол. Кладут перед ним свежей моркови, капусты и репы. Немец располагается рядом, на диване. Тушат огни, и все ложатся спать.

VI

На другой день девочка просыпается чуть свет и прежде всего, спрашивает:

- А что же слон? Он пришел?

- Пришел, - отвечает мама, - но только он велел, чтобы Надя сначала умылась, а потом съела яйцо всмятку и выпила горячего молока.

- А он добрый?

- Он добрый. Кушай, девочка. Сейчас мы пойдем к нему.

- А он смешной?

- Немножко. Надень теплую кофточку.

Яйцо быстро съедено, молоко выпито. Надю сажают в ту самую колясочку, в которой она ездила, когда была еще такой маленькой, что совсем не умела ходить. И везут в столовую.

Слон оказывается гораздо больше, чем думала Надя, когда разглядывала его на картинке. Ростом он только чуть-чуть пониже двери, а в длину занимает половину столовой. Кожа на нем грубая, в тяжелых складках. Ноги толстые, как столбы. Длинный хвост с чем-то вроде помела на конце. Голова в больших шишках. Уши большие, как лопухи, и висят вниз. Глаза совсем крошечные, но умные и добрые. Клыки обрезаны. Хобот - точно длинная змея и оканчивается двумя ноздрями, а между ними подвижной, гибкий палец. Если бы слон вытянул хобот во всю длину, то наверно достал бы он им до окна.

Девочка вовсе не испугана. Она только немножко поражена громадной величиной животного. Зато нянька, шестнадцатилетняя Поля, начинает визжать от страха.

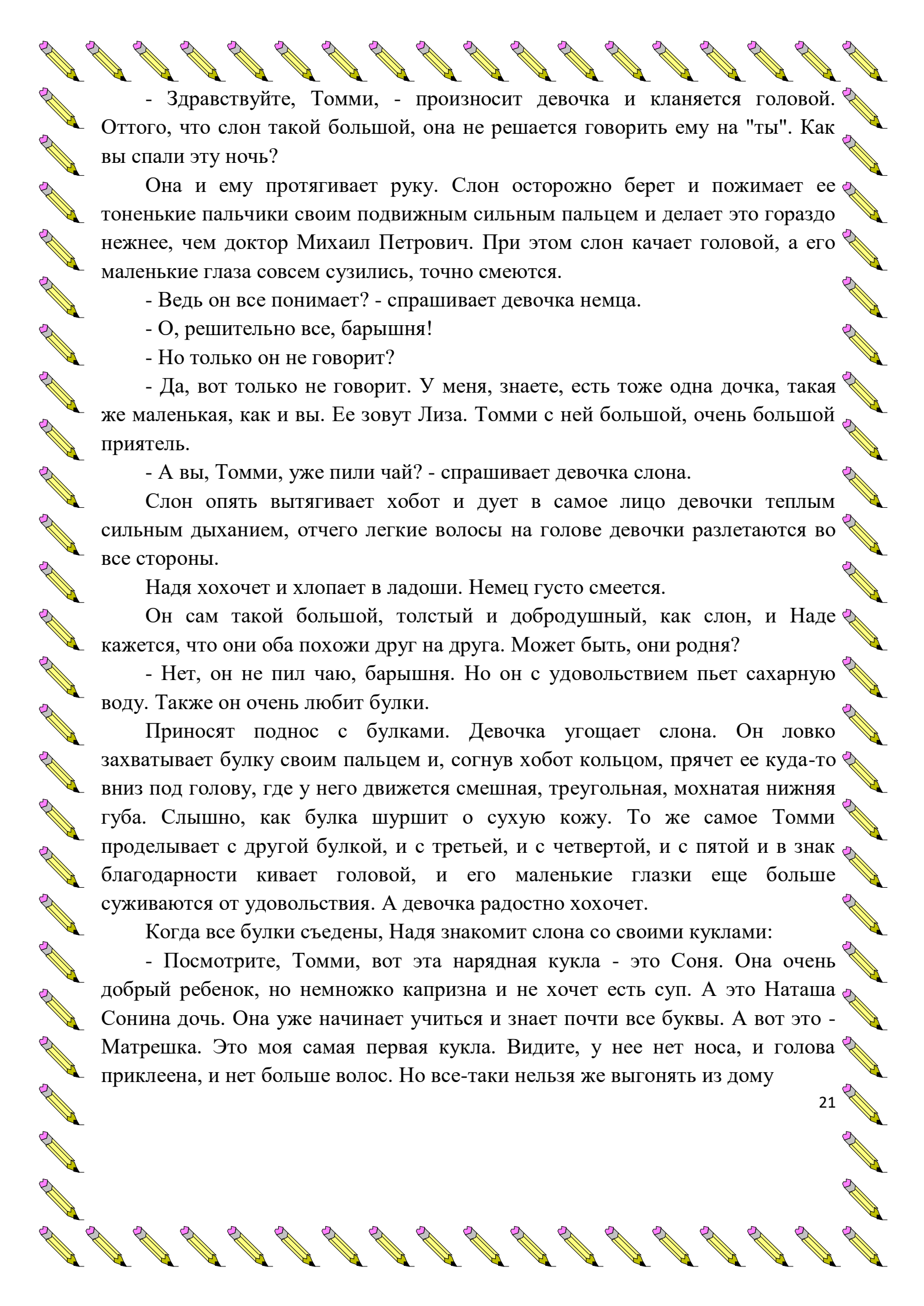
Хозяин слона, немец, подходит к колясочке и говорит:

- Доброго утра, барышня. Пожалуйста, не бойтесь. Томми очень добрый и любит детей.

Девочка протягивает немцу свою маленькую бледную ручку.

- Здравствуйте, как вы поживаете? - отвечает она. - Я вовсе ни капельки не боюсь. А как его зовут?

- Томми.

- Здравствуйте, Томми, - произносит девочка и кланяется головой. Оттого, что слон такой большой, она не решается говорить ему на "ты". Как вы спали эту ночь?

Она и ему протягивает руку. Слон осторожно берет и пожимает ее тоненькие пальчики своим подвижным сильным пальцем и делает это гораздо нежнее, чем доктор Михаил Петрович. При этом слон качает головой, а его маленькие глаза совсем сузились, точно смеются.

- Ведь он все понимает? - спрашивает девочка немца.

- О, решительно все, барышня!

- Но только он не говорит?

- Да, вот только не говорит. У меня, знаете, есть тоже одна дочка, такая же маленькая, как и вы. Ее зовут Лиза. Томми с ней большой, очень большой друг.

- А вы, Томми, уже пили чай? - спрашивает девочка слона.

Слон опять вытягивает хобот и дует в самое лицо девочки теплым сильным дыханием, отчего легкие волосы на голове девочки разлетаются во все стороны.

Надя хохочет и хлопает в ладоши. Немец густо смеется.

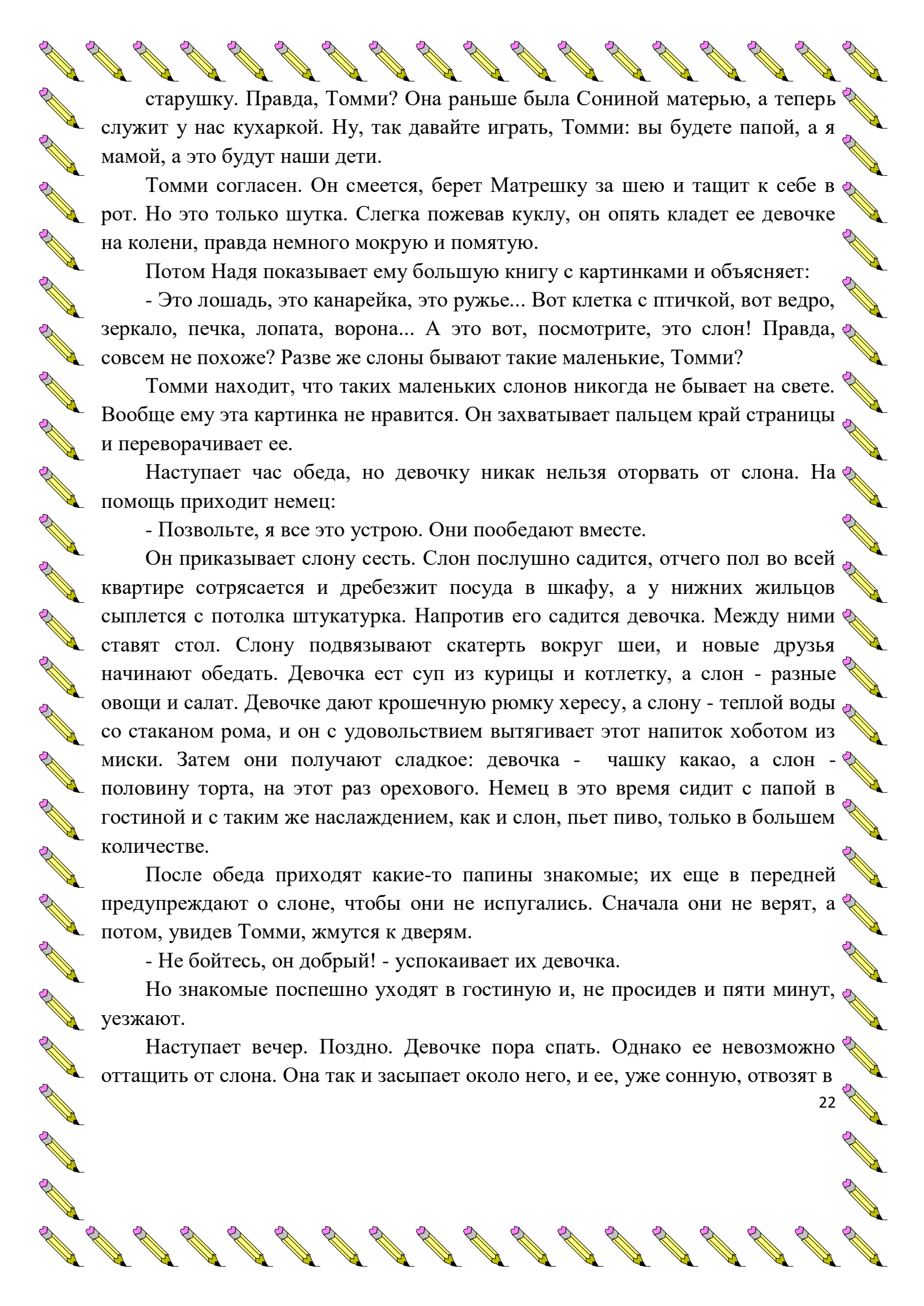
Он сам такой большой, толстый и добродушный, как слон, и Наде кажется, что они оба похожи друг на друга. Может быть, они родня?

- Нет, он не пил чаю, барышня. Но он с удовольствием пьет сахарную воду. Также он очень любит булочки.

Приносят поднос с булками. Девочка угощает слона. Он ловко захватывает булку своим пальцем и, согнув хобот кольцом, прячет ее куда-то вниз под голову, где у него движется смешная, треугольная, мохнатая нижняя губа. Слышно, как булка шуршит о сухую кожу. То же самое Томми проделывает с другой булкой, и с третьей, и с четвертой, и с пятой и в знак благодарности кивает головой, и его маленькие глазки еще больше суживаются от удовольствия. А девочка радостно хохочет.

Когда все булочки съедены, Надя знакомит слона со своими куклами:

- Посмотрите, Томми, вот эта нарядная кукла - это Соня. Она очень добрый ребенок, но немножко капризна и не хочет есть суп. А это Наташа Сониной дочь. Она уже начинает учиться и знает почти все буквы. А вот это - Матрешка. Это моя самая первая кукла. Видите, у нее нет носа, и голова приклеена, и нет больше волос. Но все-таки нельзя же выгонять из дому

старушку. Правда, Томми? Она раньше была Сониной матерью, а теперь служит у нас кухаркой. Ну, так давайте играть, Томми: вы будете папой, а я мамой, а это будут наши дети.

Томми согласен. Он смеется, берет Матрешку за шею и тащит к себе в рот. Но это только шутка. Слегка пожевав куклу, он опять кладет ее девочке на колени, правда немного мокрую и помятую.

Потом Надя показывает ему большую книгу с картинками и объясняет:
- Это лошадь, это канарейка, это ружье... Вот клетка с птичкой, вот ведро, зеркало, печка, лопата, ворона... А это вот, посмотрите, это слон! Правда, совсем не похоже? Разве же слоны бывают такие маленькие, Томми?

Томми находит, что таких маленьких слонов никогда не бывает на свете. Вообще ему эта картинка не нравится. Он захватывает пальцем край страницы и переворачивает ее.

Наступает час обеда, но девочку никак нельзя оторвать от слона. На помощь приходит немец:

- Позвольте, я все это устрою. Они пообедают вместе.

Он приказывает слону сесть. Слон послушно садится, отчего пол во всей квартире сотрясается и дребезжит посуда в шкафу, а у нижних жильцов сыплется с потолка штукатурка. Напротив его садится девочка. Между ними ставят стол. Слону подвязывают скатерть вокруг шеи, и новые друзья начинают обедать. Девочка ест суп из курицы и котлетку, а слон - разные овощи и салат. Девочке дают крошечную рюмку хересу, а слону - теплой воды со стаканом рома, и он с удовольствием вытягивает этот напиток хоботом из миски. Затем они получают сладкое: девочка - чашку какао, а слон - половину торта, на этот раз орехового. Немец в это время сидит с папой в гостиной и с таким же наслаждением, как и слон, пьет пиво, только в большем количестве.

После обеда приходят какие-то папины знакомые; их еще в передней предупреждают о слоне, чтобы они не испугались. Сначала они не верят, а потом, увидев Томми, жмутся к дверям.

- Не бойтесь, он добрый! - успокаивает их девочка.

Но знакомые поспешно уходят в гостиную и, не просидев и пяти минут, уезжают.

Наступает вечер. Поздно. Девочке пора спать. Однако ее невозможно оттащить от слона. Она так и засыпает около него, и ее, уже сонную, отвозят в

детскую. Она даже не слышит, как ее раздевают.

В эту ночь Надя видит во сне, что она женилась на Томми, и у них много детей, маленьких, веселых слонят. Слон, которого ночью отвели в зверинец, тоже видит во сне милую, ласковую девочку. Кроме того, ему снятся большие торты, ореховые и фисташковые, величиною с ворота...

Утром девочка просыпается бодрая, свежая и, как в прежние времена, когда она была еще здорова, кричит на весь дом, громко и нетерпеливо:

- Мо-лоч-ка!

Услышав этот крик, мама радостно спешит.

Но девочка тут же вспоминает о вчерашнем и спрашивает:

- А слон?

Ей объясняют, что слон ушел домой по делам, что у него есть дети, которых нельзя оставлять одних, что он просил кланяться Наде и что он ждет ее к себе в гости, когда она будет здорова.

Девочка хитро улыбается и говорит:

- Передайте Томми, что я уже совсем здорова!

М. Зощенко «Великие путешественники»

Когда мне было шесть лет, я не знал, что земля имеет форму шара.

Но Степка, хозяйский сын, у родителей которого мы жили на даче, объяснил мне, что такое земля. Он сказал:

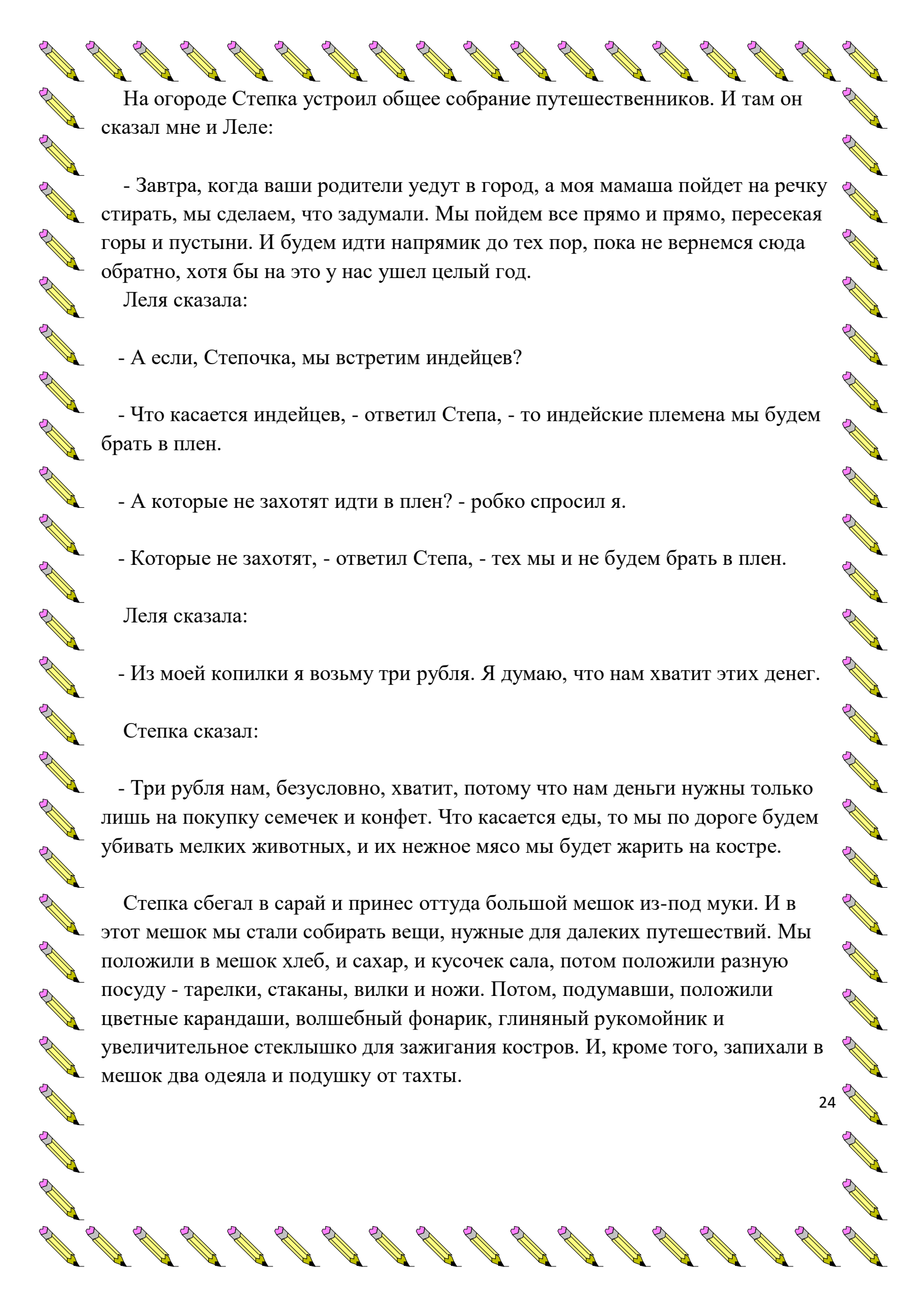
- Земля есть круг. И если пойти прямо, то можно обогнуть всю землю, и все равно придешь в то самое место, откуда вышел.

И когда я не поверил, Степка ударил меня по затылку и сказал:

- Скорей я пойду в кругосветное путешествие с твоей сестренкой Лелей, чем я возьму тебя. Мне не доставляет интереса с дураками путешествовать.

Но мне хотелось путешествовать, и я подарил Степке перочинный ножик.

Степке понравился ножик, и он согласился взять меня в кругосветное путешествие.

На огороде Степка устроил общее собрание путешественников. И там он сказал мне и Леле:

- Завтра, когда ваши родители уедут в город, а моя мамаша пойдет на речку стирать, мы сделаем, что задумали. Мы пойдем все прямо и прямо, пересекая горы и пустыни. И будем идти напрямик до тех пор, пока не вернемся сюда обратно, хотя бы на это у нас ушел целый год.

Леля сказала:

- А если, Степочка, мы встретим индейцев?

- Что касается индейцев, - ответил Степа, - то индейские племена мы будем брать в плен.

- А которые не захотят идти в плен? - робко спросил я.

- Которые не захотят, - ответил Степа, - тех мы и не будем брать в плен.

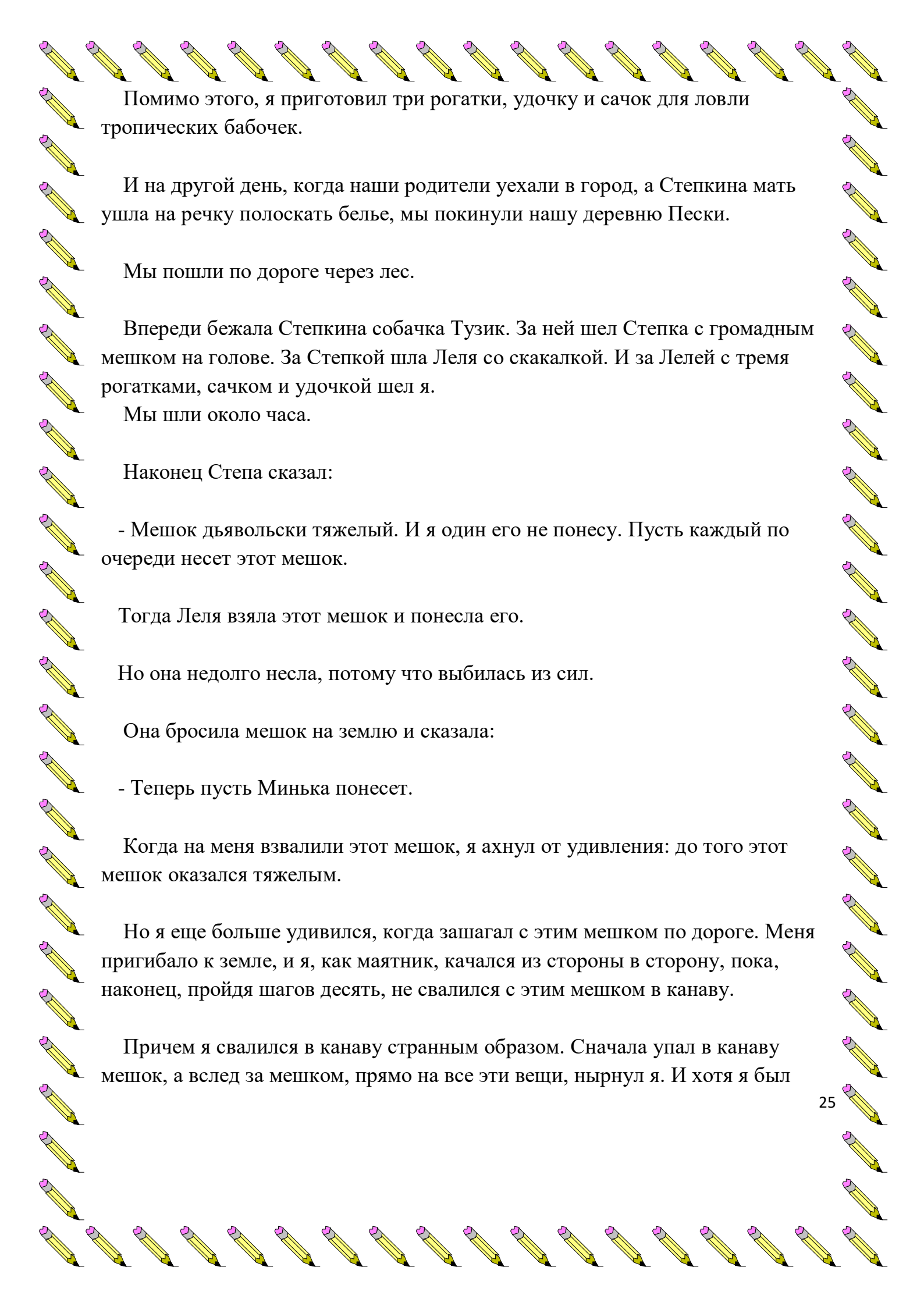
Леля сказала:

- Из моей копилки я возьму три рубля. Я думаю, что нам хватит этих денег.

Степка сказал:

- Три рубля нам, безусловно, хватит, потому что нам деньги нужны только лишь на покупку семечек и конфет. Что касается еды, то мы по дороге будем убивать мелких животных, и их нежное мясо мы будет жарить на костре.

Степка сбегал в сарай и принес оттуда большой мешок из-под муки. И в этот мешок мы стали собирать вещи, нужные для далеких путешествий. Мы положили в мешок хлеб, и сахар, и кусочек сала, потом положили разную посуду - тарелки, стаканы, вилки и ножи. Потом, подумавши, положили цветные карандаши, волшебный фонарик, глиняный рукомоиник и увеличительное стеклышко для зажигания костров. И, кроме того, зачихали в мешок два одеяла и подушку от тахты.

Помимо этого, я приготовил три рогатки, удочку и сачок для ловли тропических бабочек.

И на другой день, когда наши родители уехали в город, а Степкина мать ушла на речку полоскать белье, мы покинули нашу деревню Пески.

Мы пошли по дороге через лес.

Впереди бежала Степкина собачка Тузик. За ней шел Степка с громадным мешком на голове. За Степкой шла Леля со скакалкой. И за Лелей с тремя рогатками, сачком и удочкой шел я.

Мы шли около часа.

Наконец Степа сказал:

- Мешок дьявольски тяжелый. И я один его не понесу. Пусть каждый по очереди несет этот мешок.

Тогда Леля взяла этот мешок и понесла его.

Но она недолго несла, потому что выбилась из сил.

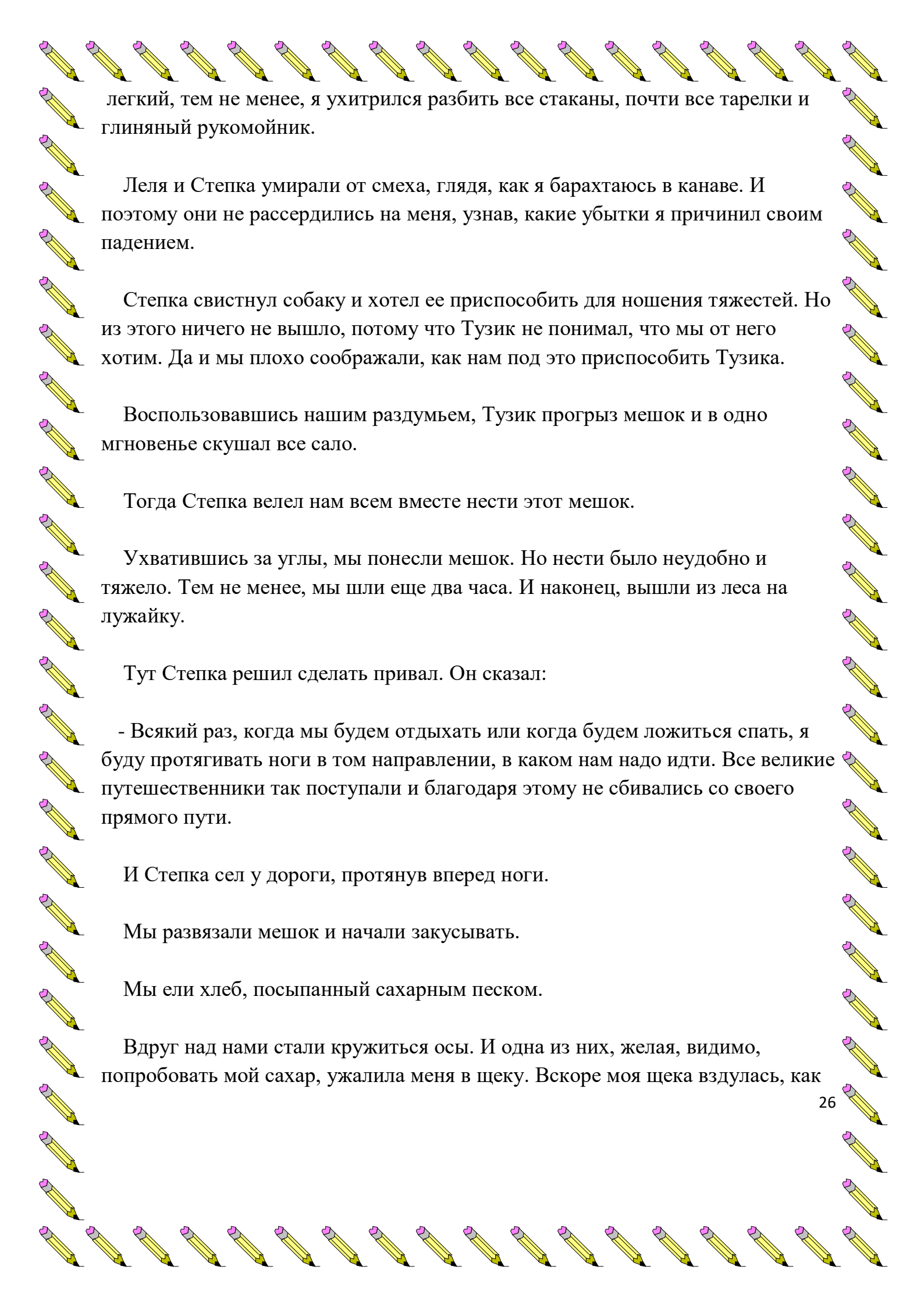
Она бросила мешок на землю и сказала:

- Теперь пусть Минька понесет.

Когда на меня взвалили этот мешок, я ахнул от удивления: до того этот мешок оказался тяжелым.

Но я еще больше удивился, когда зашагал с этим мешком по дороге. Меня пригибало к земле, и я, как маятник, качался из стороны в сторону, пока, наконец, пройдя шагов десять, не свалился с этим мешком в канаву.

Причем я свалился в канаву странным образом. Сначала упал в канаву мешок, а вслед за мешком, прямо на все эти вещи, нырнул я. И хотя я был

легкий, тем не менее, я ухитрился разбить все стаканы, почти все тарелки и глиняный рукомоЙник.

Леля и Степка умирали от смеха, глядя, как я барахтаюсь в канаве. И поэтому они не рассердились на меня, узнав, какие убытки я причинил своим падением.

Степка свистнул собаку и хотел ее приспособить для ношения тяжестей. Но из этого ничего не вышло, потому что Тузик не понимал, что мы от него хотим. Да и мы плохо соображали, как нам под это приспособить Тузика.

Воспользовавшись нашим раздумьем, Тузик прогрыз мешок и в одно мгновение скушал все сало.

Тогда Степка велел нам всем вместе нести этот мешок.

Ухватившись за углы, мы понесли мешок. Но нести было неудобно и тяжело. Тем не менее, мы шли еще два часа. И наконец, вышли из леса на лужайку.

Тут Степка решил сделать привал. Он сказал:

- Всякий раз, когда мы будем отдыхать или когда будем ложиться спать, я буду протягивать ноги в том направлении, в каком нам надо идти. Все великие путешественники так поступали и благодаря этому не сбивались со своего прямого пути.

И Степка сел у дороги, протянув вперед ноги.

Мы развязали мешок и начали закусывать.

Мы ели хлеб, посыпанный сахарным песком.

Вдруг над нами стали кружиться осы. И одна из них, желая, видимо, попробовать мой сахар, ужалила меня в щеку. Вскоре моя щека вздулась, как

пирог. И я, по совету Степки, стал прикладывать к ней мох, сырую землю и листья.

Перед тем как пойти дальше, Степка выкинул из мешка почти все, что там было, и мы пошли налегке.

Я шел позади всех, скуля и хныча. Щека моя горела и ныла. Леля тоже была не рада путешествию. Она вздыхала и мечтала о возвращении домой, говоря, что дома тоже бывает хорошо.

Но Степка запретил нам об этом и думать.
Он сказал:

- Каждого, кто захочет вернуться домой, я привяжу к дереву и оставлю на съедение муравьям.

Мы продолжали идти в плохом настроении.

И только у Тузика настроение было ничего себе.

Здрав хвост, он носился за птицами и своим лаем вносил излишний шум в наше путешествие.

Наконец стало темнеть.

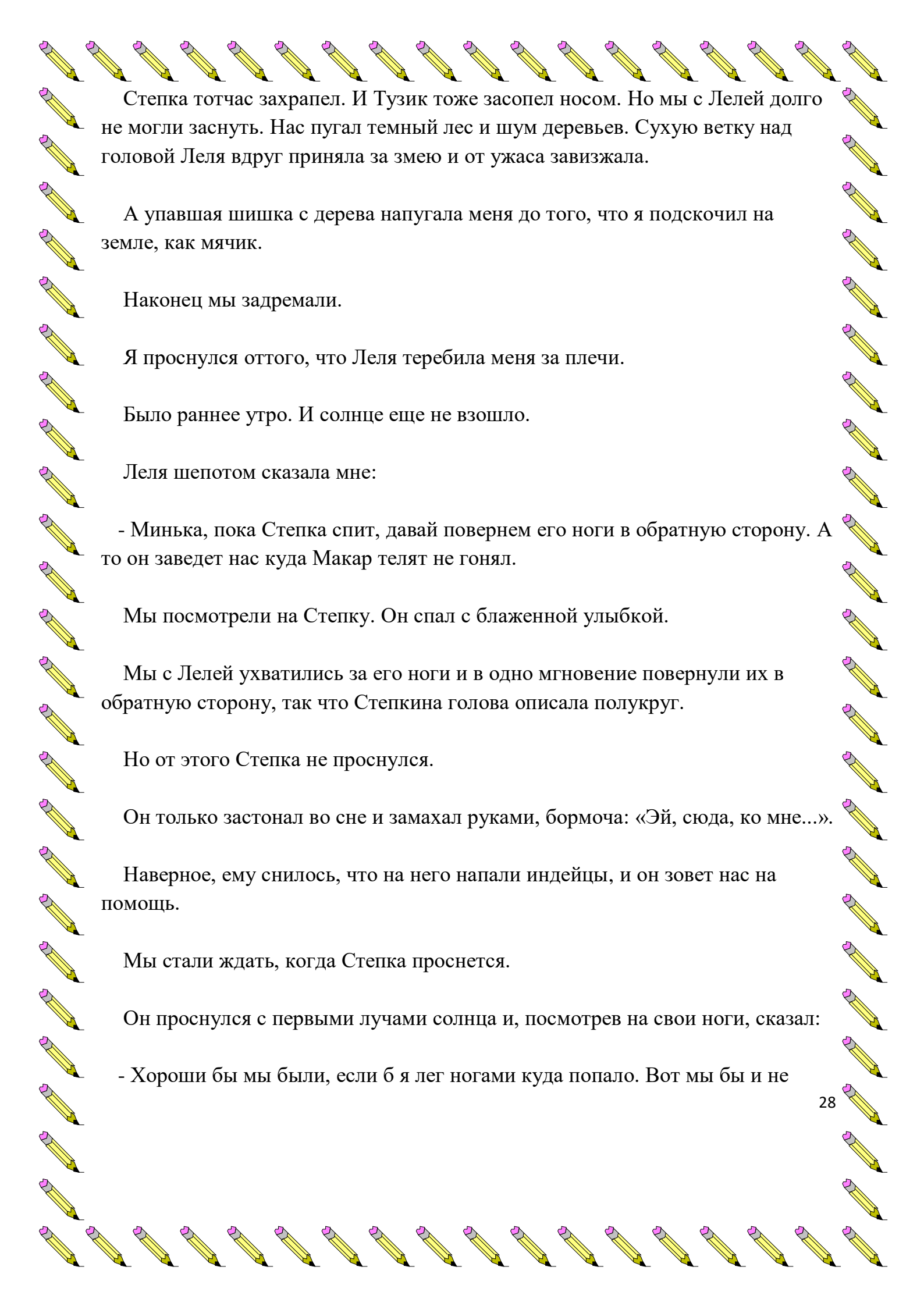
Степка бросил мешок на землю. И мы решили тут заночевать.

Мы собрали хворосту для костра. И Степка извлек из мешка увеличительное стеклышко, чтобы разжечь костер.

Но, не найдя на небе солнца, Степка приуныл. И мы тоже огорчились.

И, покушав хлеба, легли в темноте.

Степка торжественно лег ногами вперед, говоря, что утром нам будет ясно, в какую сторону идти.

Степка тотчас захрапел. И Тузик тоже засопел носом. Но мы с Лелей долго не могли заснуть. Нас пугал темный лес и шум деревьев. Сухую ветку над головой Леля вдруг приняла за змею и от ужаса завизжала.

А упавшая шишка с дерева напугала меня до того, что я подскочил на земле, как мячик.

Наконец мы задремали.

Я проснулся оттого, что Леля теребила меня за плечи.

Было раннее утро. И солнце еще не взошло.

Леля шепотом сказала мне:

- Минька, пока Степка спит, давай повернем его ноги в обратную сторону. А то он заведет нас куда Макар телят не гонял.

Мы посмотрели на Степку. Он спал с блаженной улыбкой.

Мы с Лелей ухватились за его ноги и в одно мгновение повернули их в обратную сторону, так что Степкина голова описала полукруг.

Но от этого Степка не проснулся.

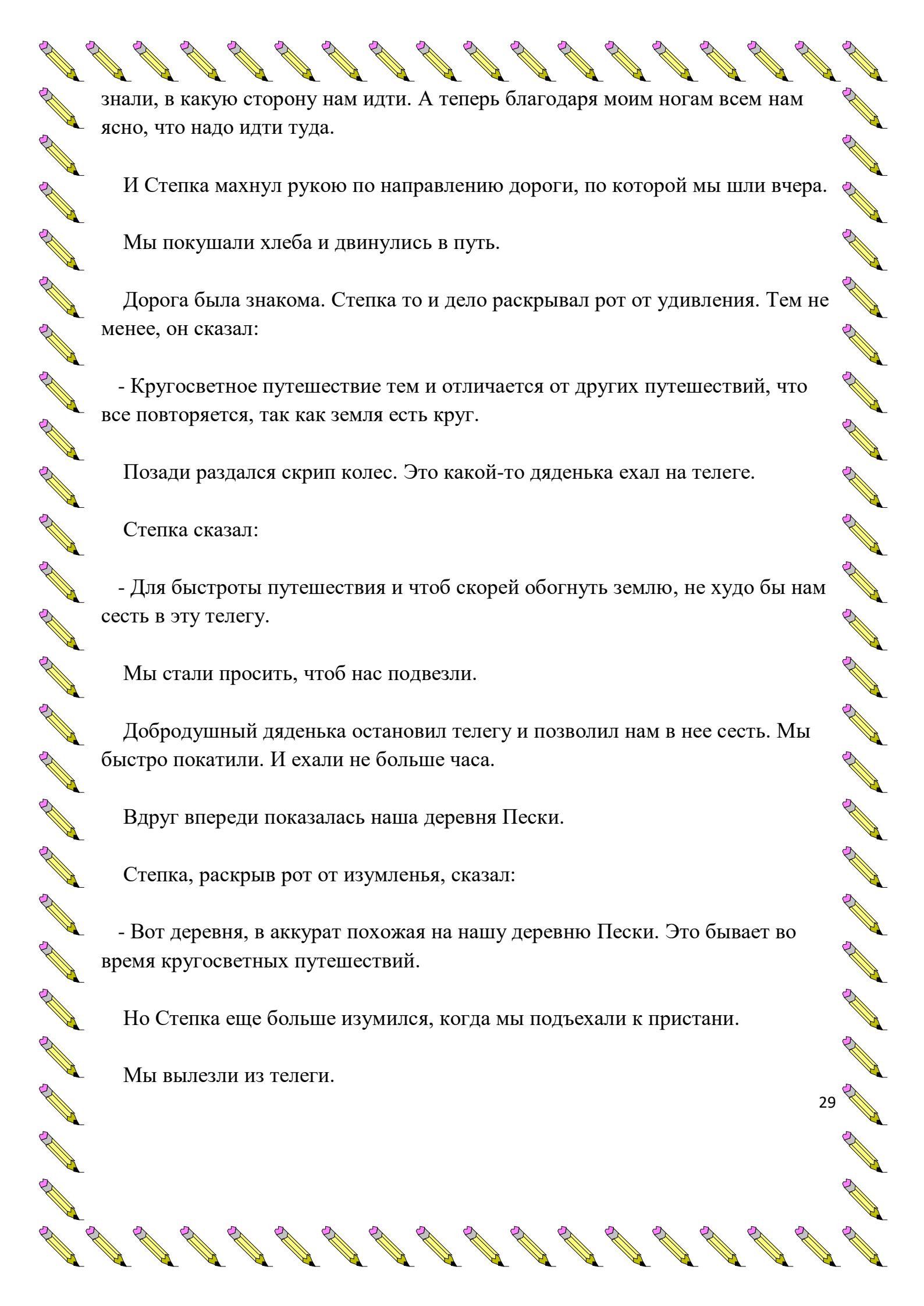
Он только застонал во сне и замахал руками, бормоча: «Эй, сюда, ко мне...».

Наверное, ему снилось, что на него напали индейцы, и он зовет нас на помощь.

Мы стали ждать, когда Степка проснется.

Он проснулся с первыми лучами солнца и, посмотрев на свои ноги, сказал:

- Хороши бы мы были, если б я лег ногами куда попало. Вот мы бы и не

знали, в какую сторону нам идти. А теперь благодаря моим ногам всем нам ясно, что надо идти туда.

И Степка махнул рукою по направлению дороги, по которой мы шли вчера.

Мы покушали хлеба и двинулись в путь.

Дорога была знакома. Степка то и дело раскрывал рот от удивления. Тем не менее, он сказал:

- Кругосветное путешествие тем и отличается от других путешествий, что все повторяется, так как земля есть круг.

Позади раздался скрип колес. Это какой-то дяденька ехал на телеге.

Степка сказал:

- Для быстроты путешествия и чтоб скорей обогнуть землю, не худо бы нам сесть в эту телегу.

Мы стали просить, чтоб нас подвезли.

Добродушный дяденька остановил телегу и позволил нам в нее сесть. Мы быстро покатали. И ехали не больше часа.

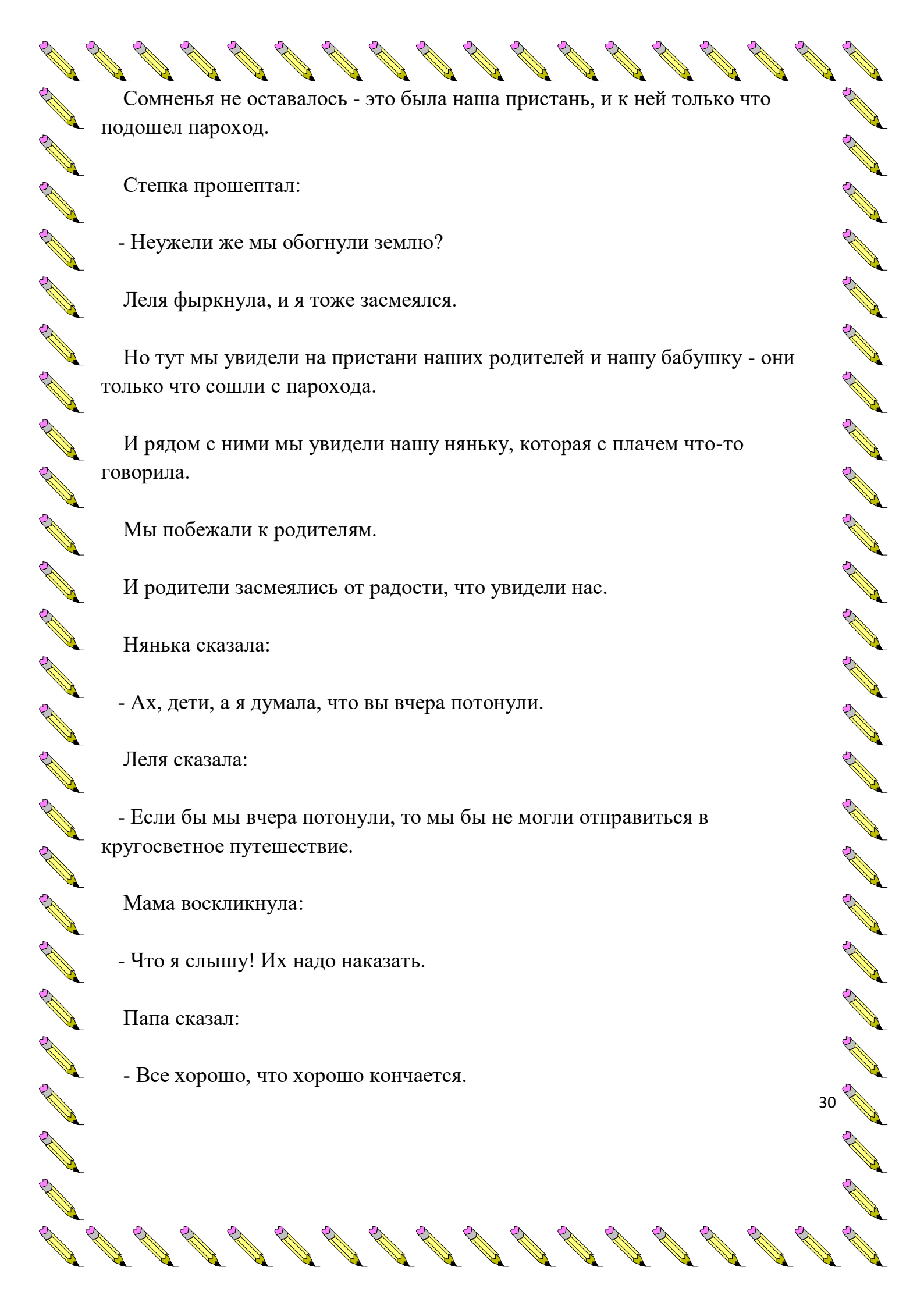
Вдруг впереди показалась наша деревня Пески.

Степка, раскрыв рот от изумленья, сказал:

- Вот деревня, в аккурат похожая на нашу деревню Пески. Это бывает во время кругосветных путешествий.

Но Степка еще больше изумился, когда мы подъехали к пристани.

Мы вылезли из телеги.

Сомнения не оставалось - это была наша пристань, и к ней только что подошел пароход.

Степка прошептал:

- Неужели же мы обогнули землю?

Леля фыркнула, и я тоже засмеялся.

Но тут мы увидели на пристани наших родителей и нашу бабушку - они только что сошли с парохода.

И рядом с ними мы увидели нашу няньку, которая с плачем что-то говорила.

Мы побежали к родителям.

И родители засмеялись от радости, что увидели нас.

Нянька сказала:

- Ах, дети, а я думала, что вы вчера потонули.

Леля сказала:

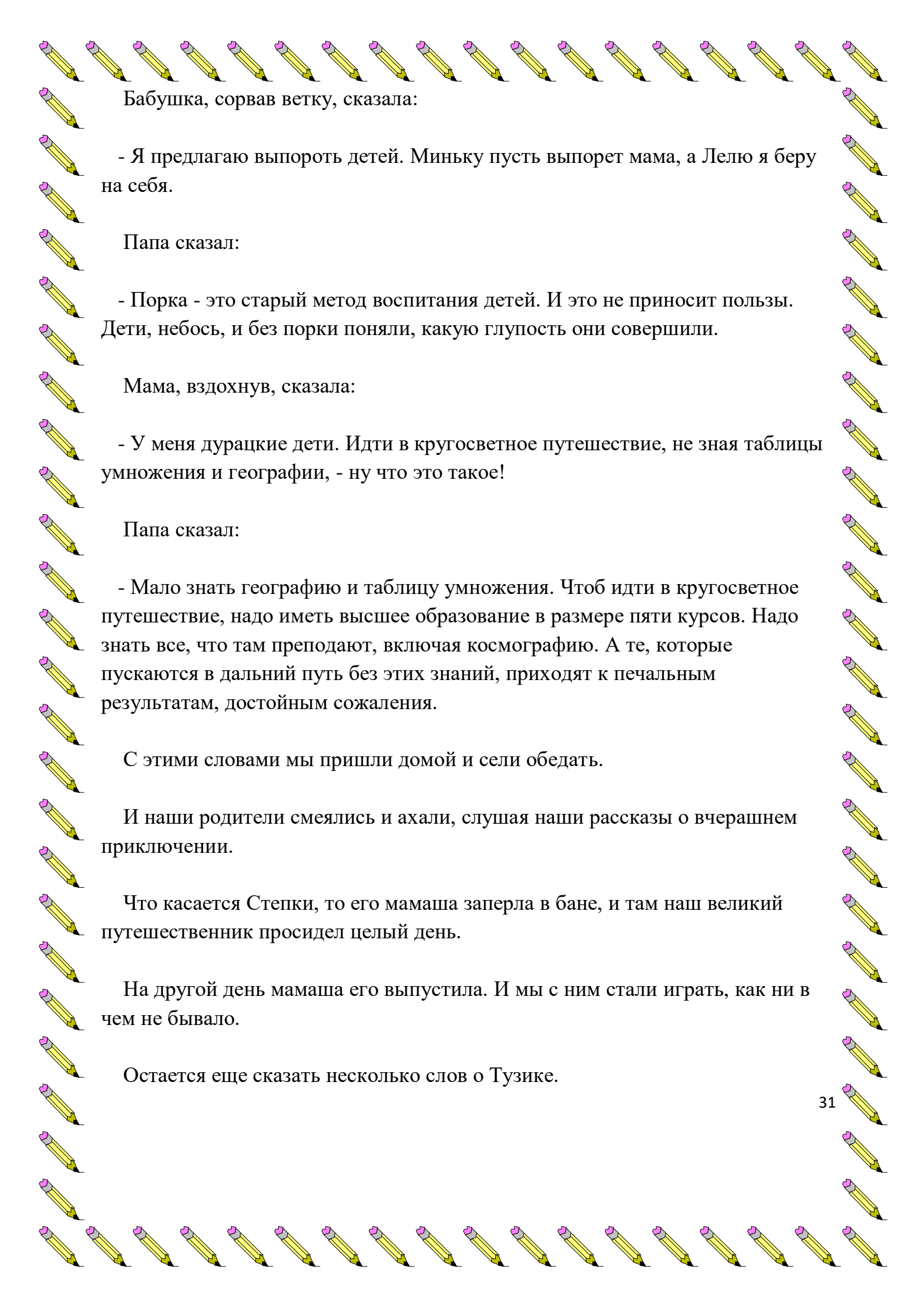
- Если бы мы вчера потонули, то мы бы не могли отправиться в кругосветное путешествие.

Мама воскликнула:

- Что я слышу! Их надо наказать.

Папа сказал:

- Все хорошо, что хорошо кончается.

Бабушка, сорвав ветку, сказала:

- Я предлагаю выпороть детей. Миньку пусть выпорет мама, а Лелю я беру на себя.

Папа сказал:

- Порка - это старый метод воспитания детей. И это не приносит пользы. Дети, небось, и без порки поняли, какую глупость они совершили.

Мама, вздохнув, сказала:

- У меня дурацкие дети. Идти в кругосветное путешествие, не зная таблицы умножения и географии, - ну что это такое!

Папа сказал:

- Мало знать географию и таблицу умножения. Чтоб идти в кругосветное путешествие, надо иметь высшее образование в размере пяти курсов. Надо знать все, что там преподают, включая космографию. А те, которые пускаются в дальний путь без этих знаний, приходят к печальным результатам, достойным сожаления.

С этими словами мы пришли домой и сели обедать.

И наши родители смеялись и ахали, слушая наши рассказы о вчерашнем приключении.

Что касается Степки, то его мамаша заперла в бане, и там наш великий путешественник просидел целый день.

На другой день мамаша его выпустила. И мы с ним стали играть, как ни в чем не бывало.

Остается еще сказать несколько слов о Тузике.

Тузик бежал за телегой целый час и очень переутомился.

Прибежав домой, он забрался в сарай и там спал до вечера. А вечером, покушав, снова заснул, и что он видел во сне - остается покрытым мраком неизвестности.

Что касается меня, то во сне я увидел тигра, которого я убил выстрелом из рогатки.

К. Коровин «Белка» (в сокр.)

Жил я далеко от Москвы, в глухом месте, у небольшой речки, за которой начинался огромный бор Красный Яр. Речка Нерля была маленькая, как ручей, она шла по лугу близ моего дома, извиваясь в камышах и кустах и переходя в большие плесы, которые лежали по низу луга, у самого леса.

С горки были видны эти большие, как бы лежащие зеркала воды, в которых отражается огромный лес. По обрывам был желтый песок. Зеленый и серый мох густо и сочно лежал у больших корней сосен. Иван-чай стройно высился, покрытый лиловыми цветами.

Какая красота была в этих бережках и в этих светлых струях вод кристальной речки!

В солнечные дни отражения огромных сосен и елей в воде были веселы, радостны, мощны.

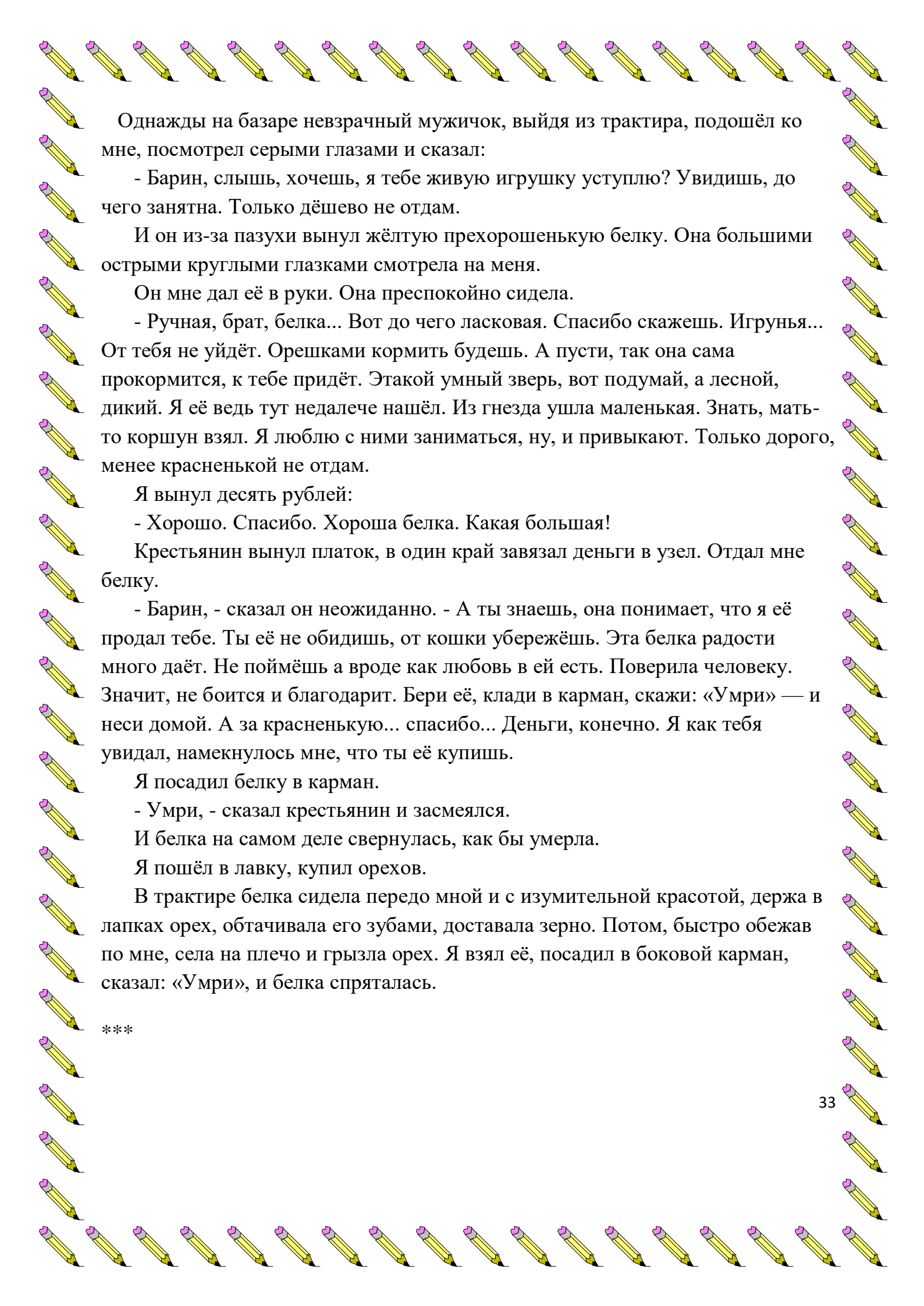
Плескались золотые язи. Зеленые стрекозы летали над камышом. Ласточки со свистом носились над рекой и острыми крылышками задевали воду.

Каким разнообразным пением птиц, какими звуками был полон красивый бор! Цветами был покрыт луг, и мне казалось, что это рай.

Я думал: «Какой же может быть другой рай?» Это и был рай.

А в бору жил мой приятель, прелестный человек, лесничий. Жили там и медведь, изящнейшая рысь, чудной барсук и мелкие зверьки – заяц, белка, ёж.

Вот эти-то три последних зверя особенно трогательно вспоминаются мне. Их ум, душевные особенности, любовь и сердце меня поразили, когда я их приучил к себе

Однажды на базаре невзрачный мужичок, выйдя из трактира, подошёл ко мне, посмотрел серыми глазами и сказал:

- Барин, слышь, хочешь, я тебе живую игрушку уступлю? Увидишь, до чего занятна. Только дешёво не отдам.

И он из-за пазухи вынул жёлтую прехорошенькую белку. Она большими острыми круглыми глазками смотрела на меня.

Он мне дал её в руки. Она преспокойно сидела.

- Ручная, брат, белка... Вот до чего ласковая. Спасибо скажешь. Игрунья... От тебя не уйдёт. Орешками кормить будешь. А пусти, так она сама прокормится, к тебе придёт. Этакой умный зверь, вот подумай, а лесной, дикий. Я её ведь тут недалече нашёл. Из гнезда ушла маленькая. Знать, мать-то коршун взял. Я люблю с ними заниматься, ну, и привыкают. Только дорого, менее красненькой не отдам.

Я вынул десять рублей:

- Хорошо. Спасибо. Хороша белка. Какая большая!

Крестьянин вынул платок, в один край завязал деньги в узел. Отдал мне белку.

- Барин, - сказал он неожиданно. - А ты знаешь, она понимает, что я её продал тебе. Ты её не обидишь, от кошки убережешь. Эта белка радости много даёт. Не поймёшь а вроде как любовь в ей есть. Поверила человеку. Значит, не боится и благодарит. Бери её, клади в карман, скажи: «Умри» — и носи домой. А за красненькую... спасибо... Деньги, конечно. Я как тебя увидал, намекнулось мне, что ты её купишь.

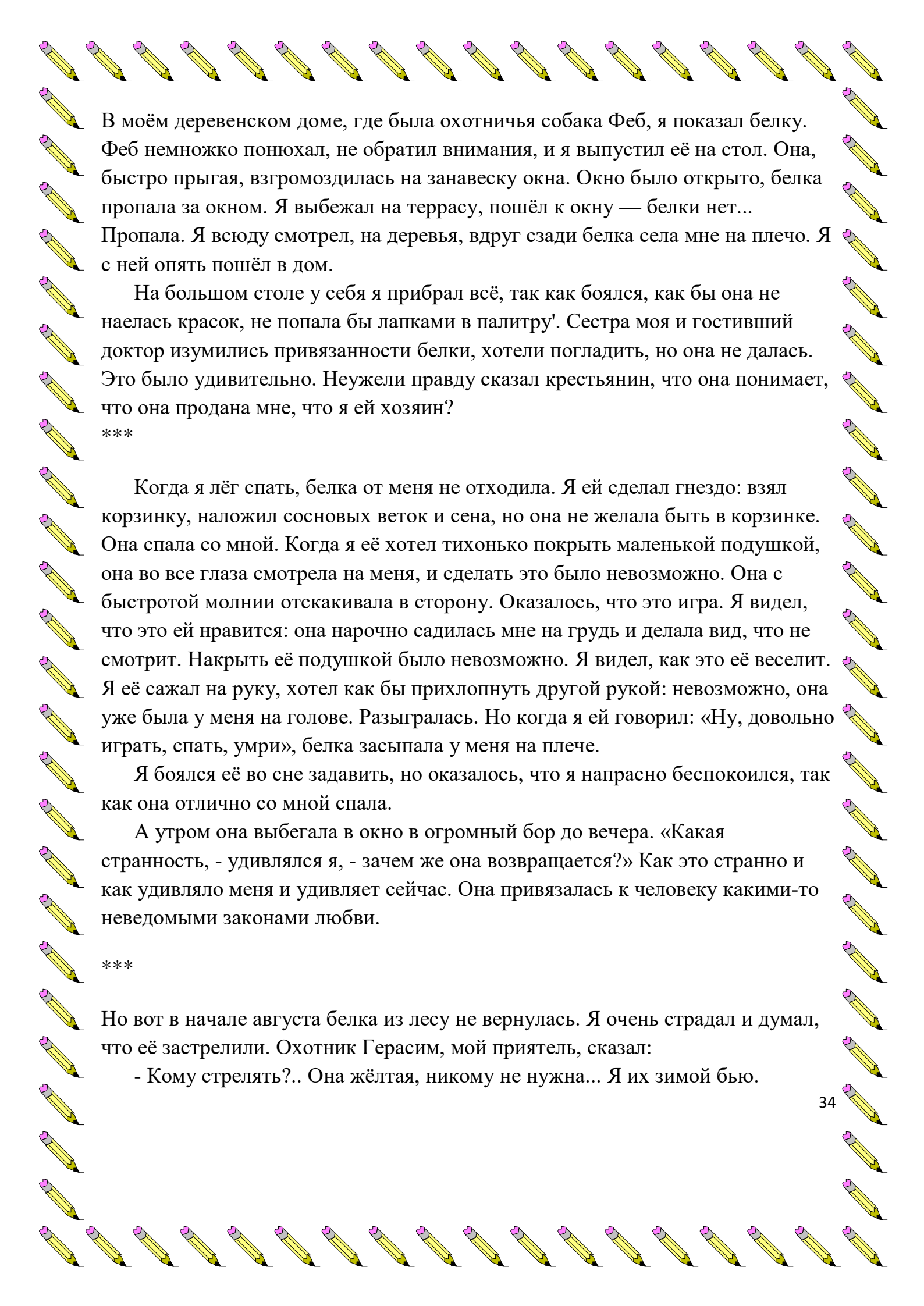
Я посадил белку в карман.

- Умри, - сказал крестьянин и засмеялся.

И белка на самом деле свернулась, как бы умерла.

Я пошёл в лавку, купил орехов.

В трактире белка сидела передо мной и с изумительной красотой, держа в лапках орех, обгачивала его зубами, доставала зерно. Потом, быстро обежав по мне, села на плечо и грызла орех. Я взял её, посадил в боковой карман, сказал: «Умри», и белка спряталась.

В моём деревенском доме, где была охотничья собака Феб, я показал белку. Феб немножко понюхал, не обратил внимания, и я выпустил её на стол. Она, быстро прыгая, взгромоздилась на занавеску окна. Окно было открыто, белка пропала за окном. Я выбежал на террасу, пошёл к окну — белки нет... Пропала. Я всюду смотрел, на деревья, вдруг сзади белка села мне на плечо. Я с ней опять пошёл в дом.

На большом столе у себя я прибрал всё, так как боялся, как бы она не наелась красок, не попала бы лапками в палитру¹. Сестра моя и гостивший доктор изумились привязанности белки, хотели погладить, но она не далась. Это было удивительно. Неужели правду сказал крестьянин, что она понимает, что она продана мне, что я ей хозяин?

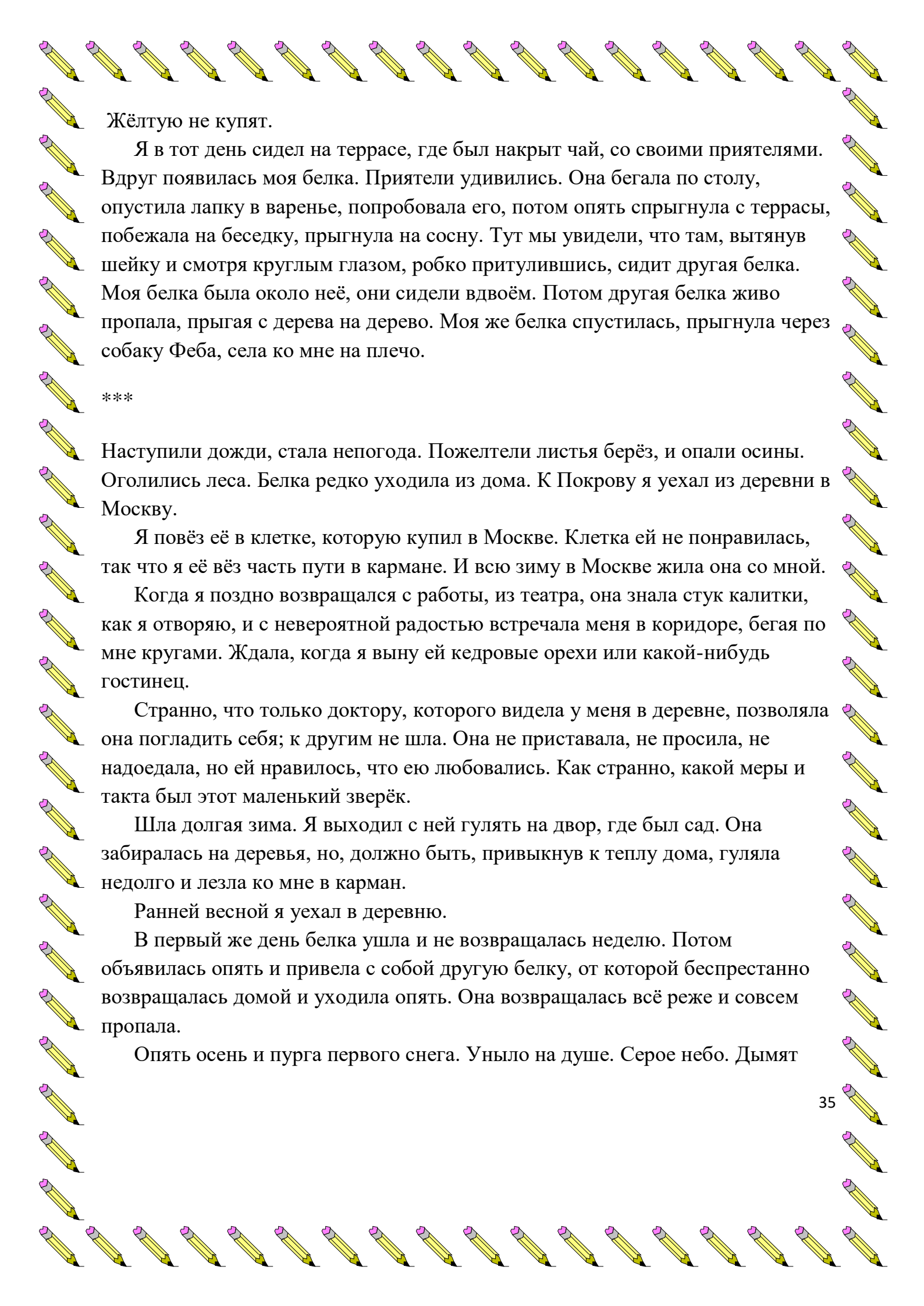
Когда я лёг спать, белка от меня не отходила. Я ей сделал гнездо: взял корзинку, наложил сосновых веток и сена, но она не желала быть в корзинке. Она спала со мной. Когда я её хотел тихонько покрыть маленькой подушкой, она во все глаза смотрела на меня, и сделать это было невозможно. Она с быстротой молнии отскакивала в сторону. Оказалось, что это игра. Я видел, что это ей нравится: она нарочно садилась мне на грудь и делала вид, что не смотрит. Накрыть её подушкой было невозможно. Я видел, как это её веселит. Я её сажал на руку, хотел как бы прихлопнуть другой рукой: невозможно, она уже была у меня на голове. Разыгралась. Но когда я ей говорил: «Ну, довольно играть, спать, умри», белка засыпала у меня на плече.

Я боялся её во сне задавить, но оказалось, что я напрасно беспокоился, так как она отлично со мной спала.

А утром она выбегала в окно в огромный бор до вечера. «Какая странность, - удивлялся я, - зачем же она возвращается?» Как это странно и как удивляло меня и удивляет сейчас. Она привязалась к человеку какими-то неведомыми законами любви.

Но вот в начале августа белка из лесу не вернулась. Я очень страдал и думал, что её застрелили. Охотник Герасим, мой приятель, сказал:

- Кому стрелять?.. Она жёлтая, никому не нужна... Я их зимой бью.

Жёлтую не купят.

Я в тот день сидел на террасе, где был накрыт чай, со своими приятелями. Вдруг появилась моя белка. Приятели удивились. Она бегала по столу, опустила лапку в варенье, попробовала его, потом опять спрыгнула с террасы, побежала на беседку, прыгнула на сосну. Тут мы увидели, что там, вытянув шейку и смотря круглым глазом, робко притулившись, сидит другая белка. Моя белка была около неё, они сидели вдвоём. Потом другая белка живо пропала, прыгая с дерева на дерево. Моя же белка спустилась, прыгнула через собаку Феба, села ко мне на плечо.

Наступили дожди, стала непогода. Пожелтели листья берёз, и опали осины. Оголились леса. Белка редко уходила из дома. К Покрову я уехал из деревни в Москву.

Я повёз её в клетке, которую купил в Москве. Клетка ей не понравилась, так что я её вёз часть пути в кармане. И всю зиму в Москве жила она со мной.

Когда я поздно возвращался с работы, из театра, она знала стук калитки, как я отворяю, и с невероятной радостью встречала меня в коридоре, бегая по мне кругами. Ждала, когда я выну ей кедровые орехи или какой-нибудь гостинец.

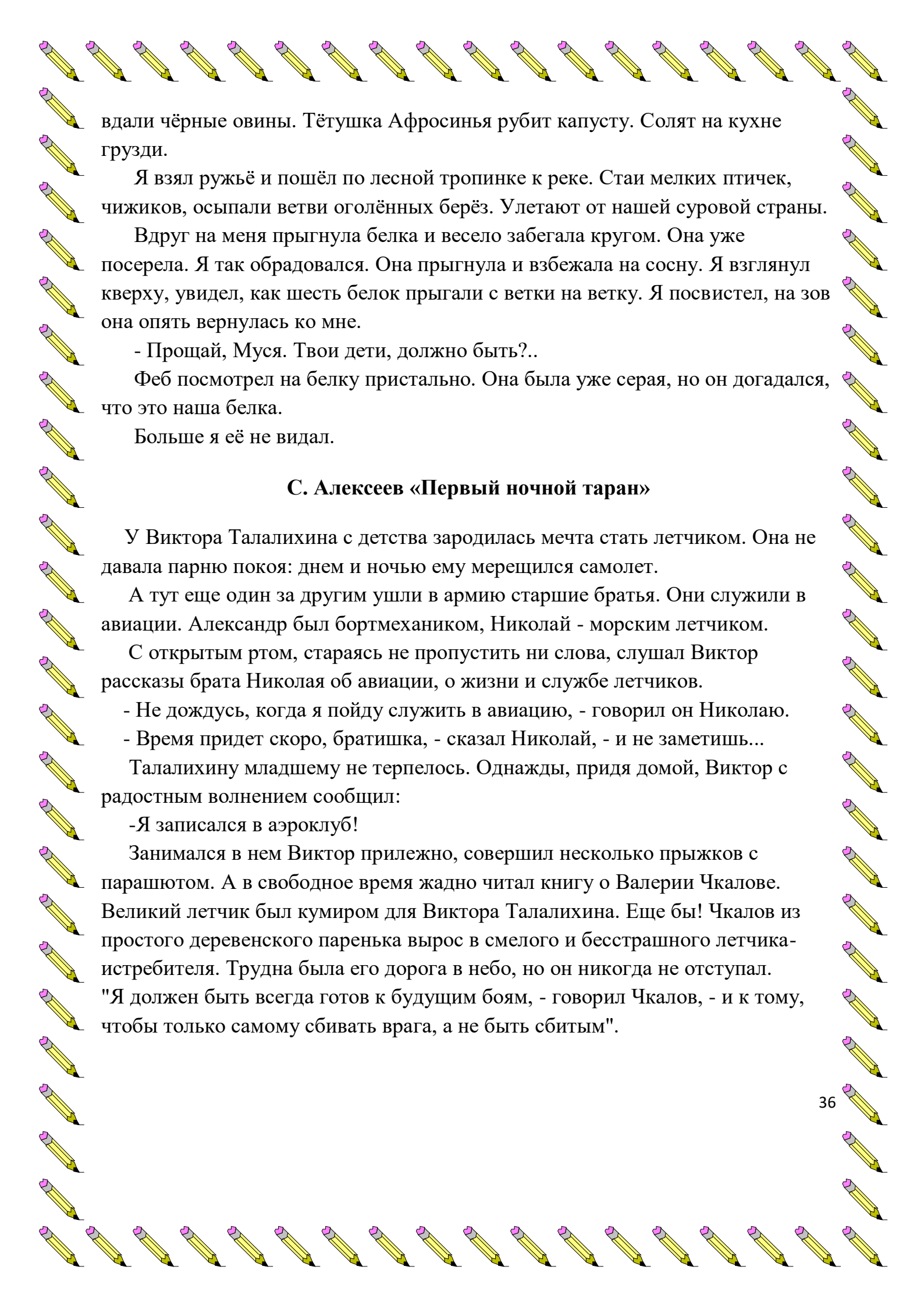
Странно, что только доктору, которого видела у меня в деревне, позволяла она погладить себя; к другим не шла. Она не приставала, не просила, не надоедала, но ей нравилось, что ею любовались. Как странно, какой меры и такта был этот маленький зверёк.

Шла долгая зима. Я выходил с ней гулять на двор, где был сад. Она забиралась на деревья, но, должно быть, привыкнув к теплу дома, гуляла недолго и лезла ко мне в карман.

Ранней весной я уехал в деревню.

В первый же день белка ушла и не возвращалась неделю. Потом объявилась опять и привела с собой другую белку, от которой беспрестанно возвращалась домой и уходила опять. Она возвращалась всё реже и совсем пропала.

Опять осень и пурга первого снега. Уныло на душе. Серое небо. Дымят

вдали чёрные овины. Тётушка Афросинья рубит капусту. Солят на кухне грузди.

Я взял ружьё и пошёл по лесной тропинке к реке. Стаи мелких птичек, чижиков, осыпали ветви оголённых берёз. Улетают от нашей суровой страны.

Вдруг на меня прыгнула белка и весело забегала кругом. Она уже посерела. Я так обрадовался. Она прыгнула и взбежала на сосну. Я взглянул кверху, увидел, как шесть белок прыгали с ветки на ветку. Я посвистел, на зов она опять вернулась ко мне.

- Прощай, Муся. Твои дети, должно быть?..

Феб посмотрел на белку пристально. Она была уже серая, но он догадался, что это наша белка.

Больше я её не видал.

С. Алексеев «Первый ночной таран»

У Виктора Талалихина с детства зародилась мечта стать летчиком. Она не давала парню покоя: днем и ночью ему мерещился самолет.

А тут еще один за другим ушли в армию старшие братья. Они служили в авиации. Александр был бортмехаником, Николай - морским летчиком.

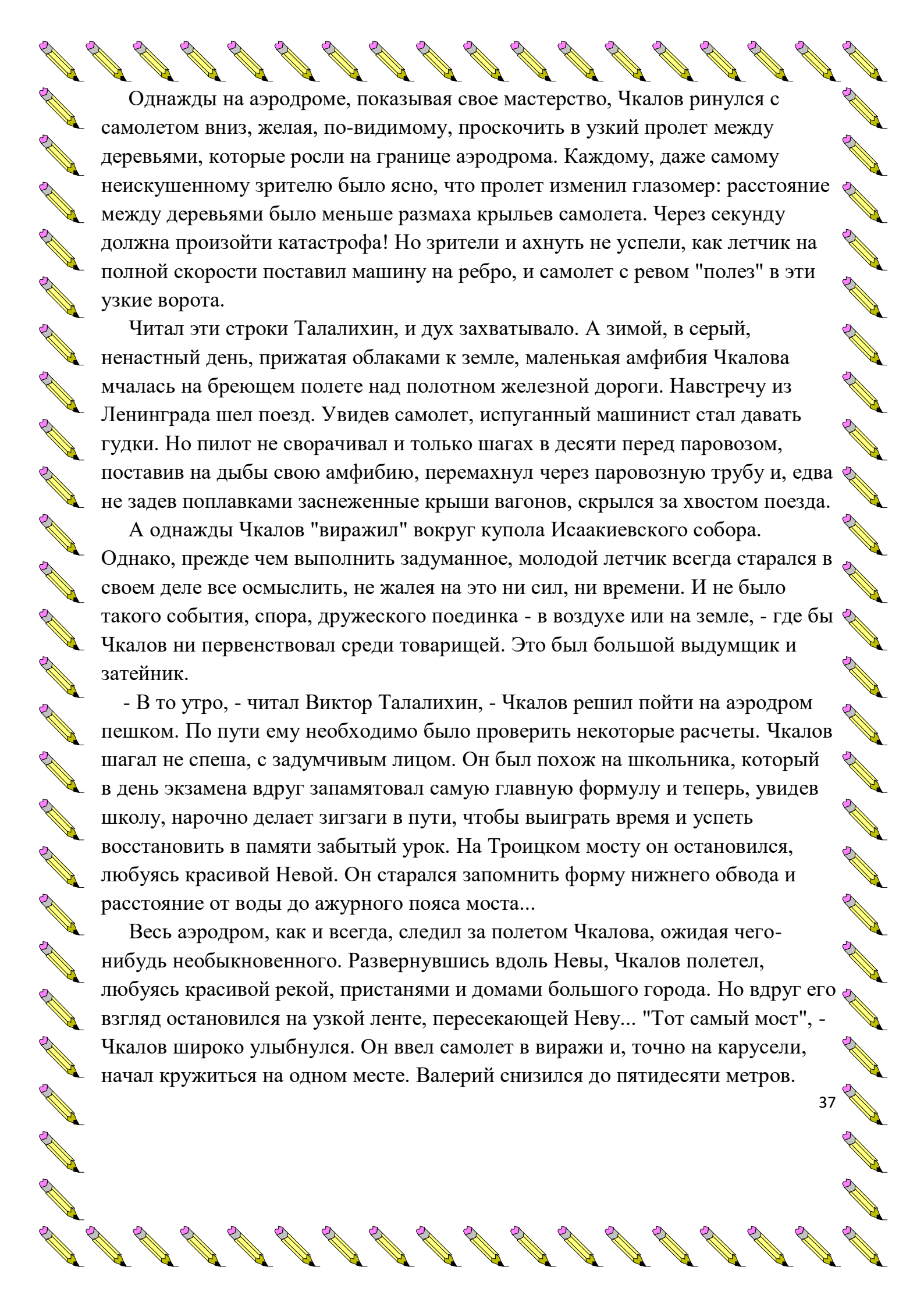
С открытым ртом, стараясь не пропустить ни слова, слушал Виктор рассказы брата Николая об авиации, о жизни и службе летчиков.

- Не дождусь, когда я пойду служить в авиацию, - говорил он Николаю.
- Время придет скоро, братишка, - сказал Николай, - и не заметишь...

Талалихину младшему не терпелось. Однажды, придя домой, Виктор с радостным волнением сообщил:

-Я записался в аэроклуб!

Занимался в нем Виктор прилежно, совершил несколько прыжков с парашютом. А в свободное время жадно читал книгу о Валерии Чкалове. Великий летчик был кумиром для Виктора Талалихина. Еще бы! Чкалов из простого деревенского паренька вырос в смелого и бесстрашного летчика-истребителя. Трудна была его дорога в небо, но он никогда не отступал. "Я должен быть всегда готов к будущим боям, - говорил Чкалов, - и к тому, чтобы только самому сбивать врага, а не быть сбитым".

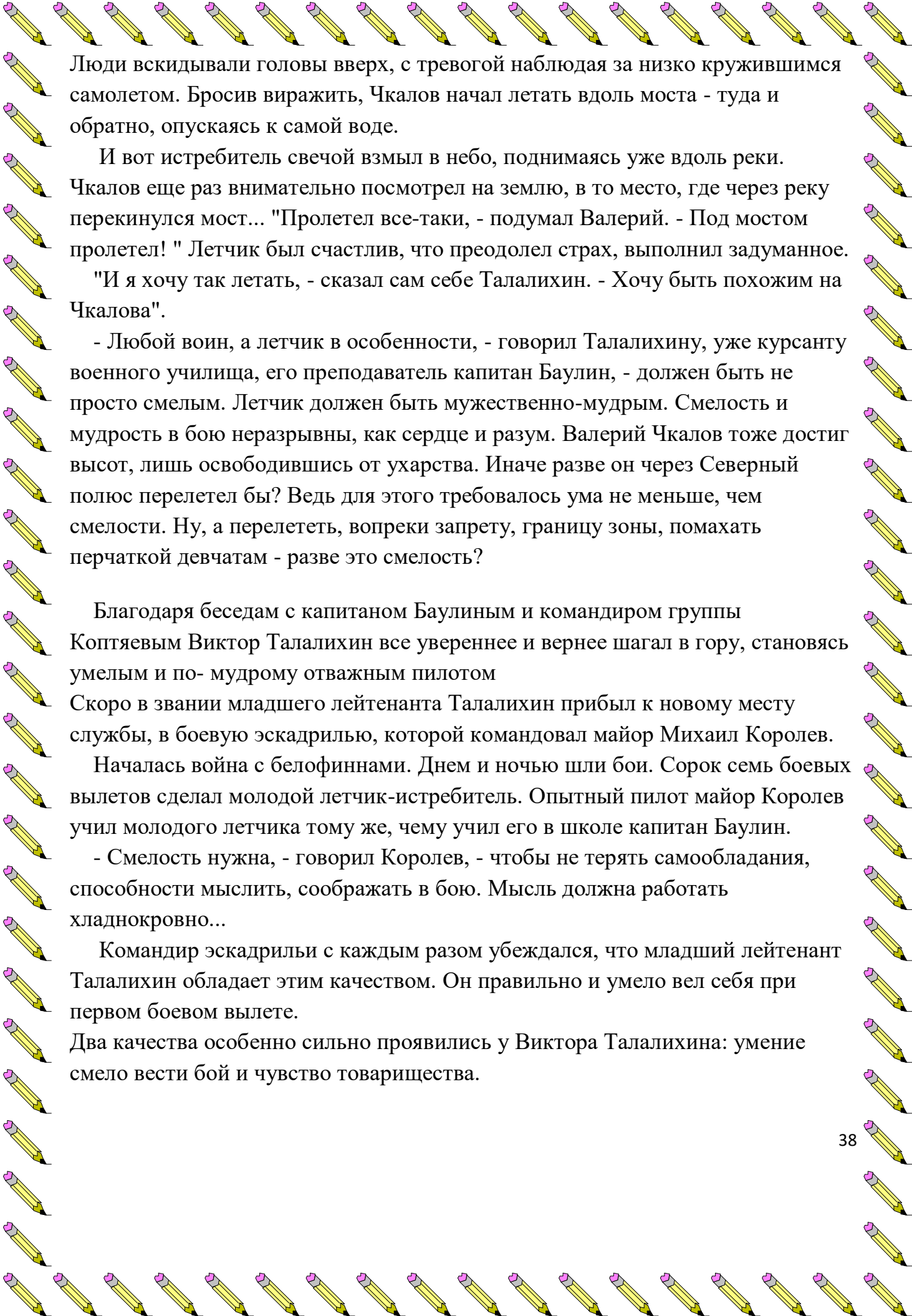
Однажды на аэродроме, показывая свое мастерство, Чкалов ринулся с самолетом вниз, желая, по-видимому, проскочить в узкий пролет между деревьями, которые росли на границе аэродрома. Каждому, даже самому неискушенному зрителю было ясно, что пролет изменил глазомер: расстояние между деревьями было меньше размаха крыльев самолета. Через секунду должна произойти катастрофа! Но зрители и ахнуть не успели, как летчик на полной скорости поставил машину на ребро, и самолет с ревом "полез" в эти узкие ворота.

Читал эти строки Талалихин, и дух захватывало. А зимой, в серый, ненастный день, прижатая облаками к земле, маленькая амфибия Чкалова мчалась на бреющем полете над полотном железной дороги. Навстречу из Ленинграда шел поезд. Увидев самолет, испуганный машинист стал давать гудки. Но пилот не сворачивал и только шагах в десяти перед паровозом, поставив на дыбы свою амфибию, перемахнул через паровозную трубу и, едва не задев поплавками заснеженные крыши вагонов, скрылся за хвостом поезда.

А однажды Чкалов "виражил" вокруг купола Исаакиевского собора. Однако, прежде чем выполнить задуманное, молодой летчик всегда старался в своем деле все осмыслить, не жалея на это ни сил, ни времени. И не было такого события, спора, дружеского поединка - в воздухе или на земле, - где бы Чкалов ни первенствовал среди товарищей. Это был большой выдумщик и затейник.

- В то утро, - читал Виктор Талалихин, - Чкалов решил пойти на аэродром пешком. По пути ему необходимо было проверить некоторые расчеты. Чкалов шагал не спеша, с задумчивым лицом. Он был похож на школьника, который в день экзамена вдруг запомнил самую главную формулу и теперь, увидев школу, нарочно делает зигзаги в пути, чтобы выиграть время и успеть восстановить в памяти забытый урок. На Троицком мосту он остановился, любуясь красивой Невой. Он старался запомнить форму нижнего обвода и расстояние от воды до ажурного пояса моста...

Весь аэродром, как и всегда, следил за полетом Чкалова, ожидая чего-нибудь необыкновенного. Развернувшись вдоль Невы, Чкалов полетел, любуясь красивой рекой, пристанями и домами большого города. Но вдруг его взгляд остановился на узкой ленте, пересекающей Неву... "Тот самый мост", - Чкалов широко улыбнулся. Он ввел самолет в виражи и, точно на карусели, начал кружиться на одном месте. Валерий снизился до пятидесяти метров.

Люди вскидывали головы вверх, с тревогой наблюдая за низко кружившимся самолетом. Бросив виражить, Чкалов начал летать вдоль моста - туда и обратно, опускаясь к самой воде.

И вот истребитель свечой взмыл в небо, поднимаясь уже вдоль реки. Чкалов еще раз внимательно посмотрел на землю, в то место, где через реку перекинулся мост... "Пролетел все-таки, - подумал Валерий. - Под мостом пролетел!" Летчик был счастлив, что преодолел страх, выполнил задуманное.

"И я хочу так летать, - сказал сам себе Талалихин. - Хочу быть похожим на Чкалова".

- Любой воин, а летчик в особенности, - говорил Талалихину, уже курсанту военного училища, его преподаватель капитан Баулин, - должен быть не просто смелым. Летчик должен быть мужественно-мудрым. Смелость и мудрость в бою неразрывны, как сердце и разум. Валерий Чкалов тоже достиг высот, лишь освободившись от ухарства. Иначе разве он через Северный полюс перелетел бы? Ведь для этого требовалось ума не меньше, чем смелости. Ну, а перелететь, вопреки запрету, границу зоны, помахать перчаткой девочкам - разве это смелость?

Благодаря беседам с капитаном Баулиным и командиром группы Коптяевым Виктор Талалихин все увереннее и вернее шагал в гору, становясь умелым и по- мудрому отважным пилотом

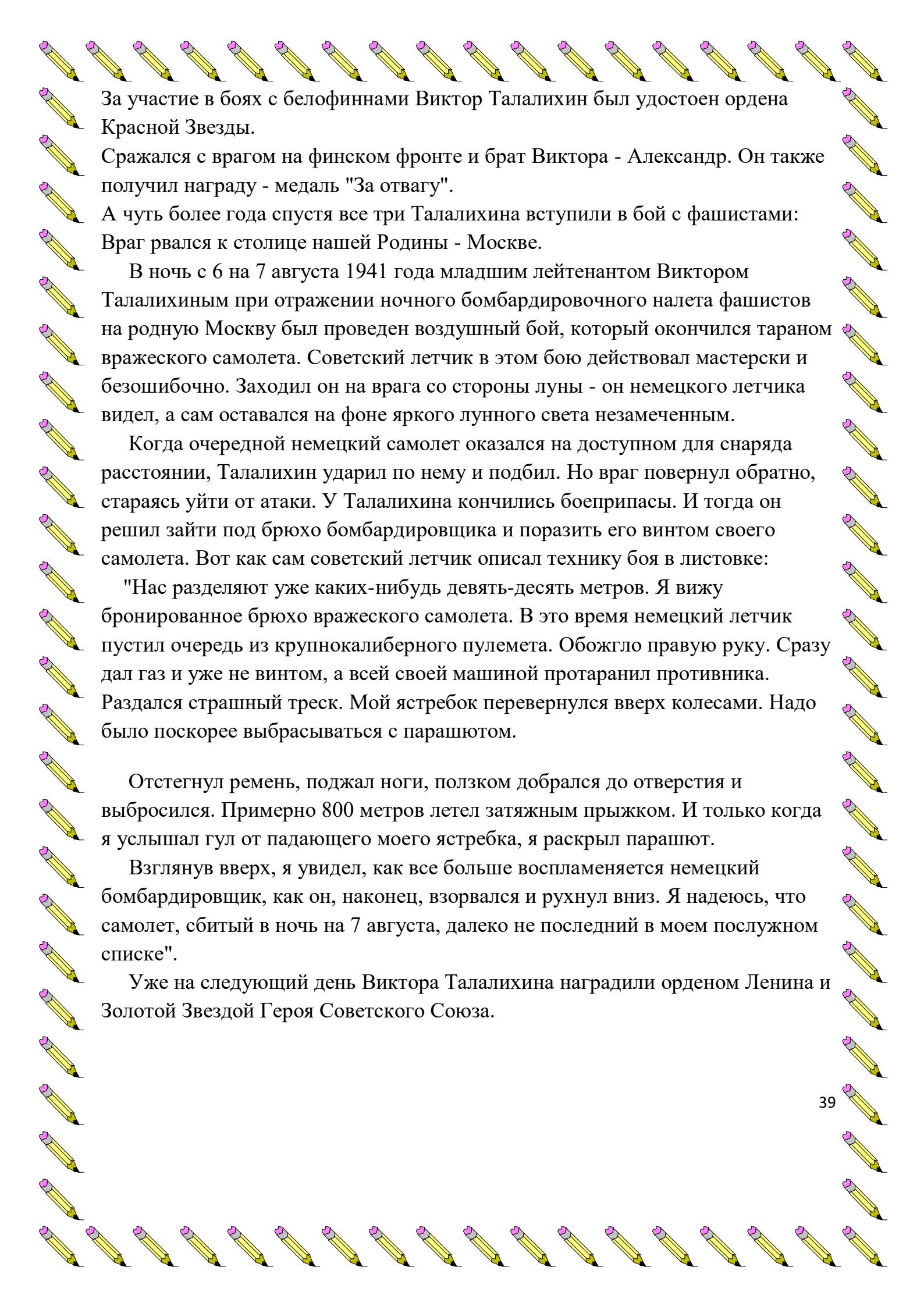
Скоро в звании младшего лейтенанта Талалихин прибыл к новому месту службы, в боевую эскадрилью, которой командовал майор Михаил Королев.

Началась война с белофиннами. Днем и ночью шли бои. Сорок семь боевых вылетов сделал молодой летчик-истребитель. Опытный пилот майор Королев учил молодого летчика тому же, чему учил его в школе капитан Баулин.

- Смелость нужна, - говорил Королев, - чтобы не терять самообладания, способности мыслить, соображать в бою. Мысль должна работать хладнокровно...

Командир эскадрильи с каждым разом убеждался, что младший лейтенант Талалихин обладает этим качеством. Он правильно и умело вел себя при первом боевом вылете.

Два качества особенно сильно проявились у Виктора Талалихина: умение смело вести бой и чувство товарищества.

За участие в боях с белофиннами Виктор Талалихин был удостоен ордена Красной Звезды.

Сражался с врагом на финском фронте и брат Виктора - Александр. Он также получил награду - медаль "За отвагу".

А чуть более года спустя все три Талалихина вступили в бой с фашистами: Враг рвался к столице нашей Родины - Москве.

В ночь с 6 на 7 августа 1941 года младшим лейтенантом Виктором Талалихиным при отражении ночного бомбардировочного налета фашистов на родную Москву был проведен воздушный бой, который окончился тараном вражеского самолета. Советский летчик в этом бою действовал мастерски и безошибочно. Заходил он на врага со стороны луны - он немецкого летчика видел, а сам оставался на фоне яркого лунного света незамеченным.

Когда очередной немецкий самолет оказался на доступном для снаряда расстоянии, Талалихин ударил по нему и подбил. Но враг повернул обратно, стараясь уйти от атаки. У Талалихина кончились боеприпасы. И тогда он решил зайти под брюхо бомбардировщика и поразить его винтом своего самолета. Вот как сам советский летчик описал технику боя в листовке:

"Нас разделяют уже каких-нибудь девять-десять метров. Я вижу бронированное брюхо вражеского самолета. В это время немецкий летчик пустил очередь из крупнокалиберного пулемета. Обожгло правую руку. Сразу дал газ и уже не винтом, а всей своей машиной протаранил противника. Раздался страшный треск. Мой ястребок перевернулся вверх колесами. Надо было поскорее выбрасываться с парашютом.

Отстегнул ремень, поджал ноги, ползком добрался до отверстия и выбросился. Примерно 800 метров летел затяжным прыжком. И только когда я услышал гул от падающего моего ястребка, я раскрыл парашют.

Взглянув вверх, я увидел, как все больше воспламеняется немецкий бомбардировщик, как он, наконец, взорвался и рухнул вниз. Я надеюсь, что самолет, сбитый в ночь на 7 августа, далеко не последний в моем послужном списке".

Уже на следующий день Виктора Талалихина наградили орденом Ленина и Золотой Звездой Героя Советского Союза.

В. Телешов «Самое лучшее»

Бродил однажды пастух Демьян по лужайке с длинным кнутом на плече. Делать ему было нечего, а день стоял жаркий, и решил Демьян искупаться в речке.

Разделся и только влез в воду, глядит - на дне под ногами что-то блестит. Место было мелкое; он окунулся и достал с песка маленькую светлую подковку, величиной с человеческое ухо.

Вертит ее в руках и не понимает - на что она может годиться.

- Разве козла подковать, - смеется Демьян сам с собою, - а то куда годна такая малявка?

Взял он подковку обеими руками за оба конца и только хотел попробовать разогнуть или сломать, как на берегу появилась женщина, вся в белой серебряной одежде. Демьян даже смутился и ушел в воду по самую шею.

Глядит из речки одна Демьянова голова и слушает, как женщина его поздравляет:

- Твое счастье, Демьянушка: нашел ты такой клад, какому равного нет во всем белом свете.

- А что мне с ним делать? - спрашивает Демьян и глядит то на белую женщину, то на подковку.

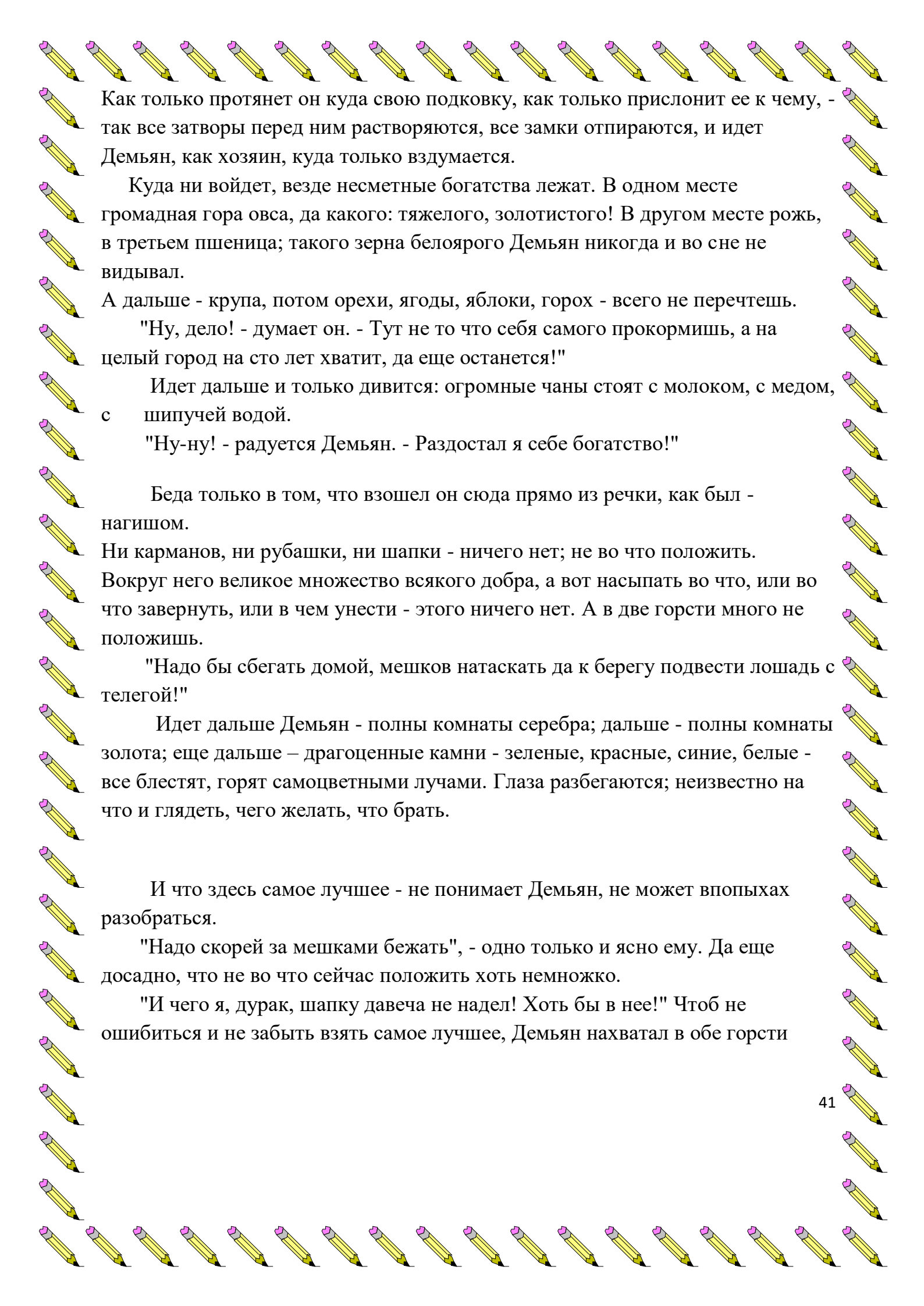
- Иди, отпирай скорей двери, входи в подземный дворец и бери оттуда все, что захочется, что понравится. Сколько хочешь - бери. Но только одно помни: не оставь там самого лучшего.

- А что там самое лучшее?

- Прислони-ка подкову вот к этому камню, - указала рукой женщина. И опять повторила: - Бери всего, сколько хочешь, покуда не будешь доволен. Но когда назад пойдешь, то не забудь унести с собой самое лучшее. И исчезла белая женщина.

Ничего не понимает Демьян. Огляделся по сторонам: видит перед собой на берегу большой камень, у самой воды лежит. Шагнул к нему и прислонил подковку, как говорила женщина.

И вдруг разломился камень надвое, открылись за ним железные двери, широко распахнулись сами собой, и перед Демьяном - роскошный дворец.

Как только протянет он куда свою подковку, как только прислонит ее к чему, - так все затворы перед ним растворяются, все замки отпираются, и идет Демьян, как хозяин, куда только вздумается.

Куда ни войдет, везде несметные богатства лежат. В одном месте громадная гора овса, да какого: тяжелого, золотистого! В другом месте рожь, в третьем пшеница; такого зерна белоярого Демьян никогда и во сне не видывал.

А дальше - крупа, потом орехи, ягоды, яблоки, горох - всего не перечтешь.

"Ну, дело! - думает он. - Тут не то что себя самого прокормишь, а на целый город на сто лет хватит, да еще останется!"

Идет дальше и только дивится: огромные чаны стоят с молоком, с медом, с шипучей водой.

"Ну-ну! - радуется Демьян. - Раздостал я себе богатство!"

Беда только в том, что взошел он сюда прямо из речки, как был - нагишом.

Ни карманов, ни рубашки, ни шапки - ничего нет; не во что положить.

Вокруг него великое множество всякого добра, а вот насыпать во что, или во что завернуть, или в чем унести - этого ничего нет. А в две горсти много не положишь.

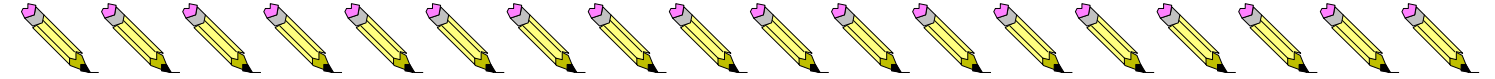
"Надо бы сбегать домой, мешков натаскать да к берегу подвести лошадь с телегой!"

Идет дальше Демьян - полны комнаты серебра; дальше - полны комнаты золота; еще дальше - драгоценные камни - зеленые, красные, синие, белые - все блестят, горят самоцветными лучами. Глаза разбегаются; неизвестно на что и глядеть, чего желать, что брать.

И что здесь самое лучшее - не понимает Демьян, не может впопыхах разобраться.

"Надо скорей за мешками бежать", - одно только и ясно ему. Да еще досадно, что не во что сейчас положить хоть немножко.

"И чего я, дурак, шапку давеча не надел! Хоть бы в нее!" Чтоб не ошибиться и не забыть взять самое лучшее, Демьян нахватал в обе горсти

драгоценных камней всех сортов и пошел скорей к выходу. Идет, а из горстей камешки сыплются! Жаль, что руки малы: кабы каждая горсть да с горшок!

Идет он мимо золота - думает: а вдруг оно самое лучшее? Надо взять и его.

А взять нечем и не во что: горсти полны, а карманов нет.

Пришлось сбросить лишние камешки и взять хоть немножко золотого песочку.

Пока менял Демьян впопыхах камни на золото, все мысли у него разбрелись.

Сам не знает, что брать, что оставить. Оставить – всякую малость жалко, а унести нет никакой возможности: у голого человека ничего, кроме двух горстей, для этого нет.

Побольше наложит - валится из рук. Опять приходится подбирать да укладывать. Измучился Демьян, наконец, и решительно пошел к выходу.

Вот вылез он на берег, на лужайку. Увидал свою одежду, шапку, кнут – и обрадовался.

"Вернусь сейчас во дворец, насыплю в рубашку добычу и кнутом завяжу - вот и готов первый мешок! А потом и за телегой сбегаю!"

Выложил он свои драгоценности из горстей в шапку и радуется, глядя на них, как они блестят и играют на солнце.

Поскорее оделся, повесил кнут на плечо, и хотел было идти опять в подземный дворец за богатством, но никаких дверей перед ним уже нет, а лежит по-прежнему на берегу большой серый камень.

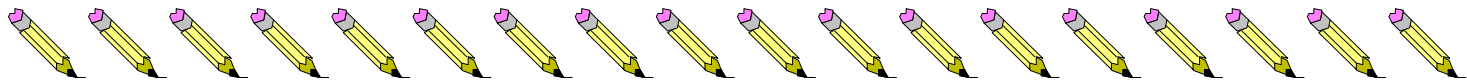
- Батюшки мои! - закричал Демьян, и даже голос его взвизгнул. - Где же моя маленькая подковка?

Он позабыл ее в подземном дворце, когда спешно менял камни на золото, ища самого лучшего.

Только теперь он понял, что самое лучшее-то он и оставил там, куда теперь без подковки никогда и ни за что не войдешь.

- Вот тебе и подковка!

Бросился он в отчаянии к шапке, к своим драгоценностям, с последней надеждой: а не лежит ли среди них "самое лучшее"?

Но в шапке была теперь только горсть речного песку да горсть мелких полевых камешков, какими полон весь берег.

Опустил Демьян и руки и голову:
- Вот тебе и самое лучшее!..

Е. Воробьев «Обрывок провода»

Трудно вспомнить, сколько раз в этот день Устюшину пришлось отправляться на линию и сращивать провод. То провод перебьет осколком мины, то оборвет взрывной волной, то его перережут немецкие автоматчики, которые уже несколько раз просачивались в ближний лес. Смеркалось, когда батарея вновь потеряла связь с наблюдательным пунктом майора Балояна.

Устюшин нажимал на клапан, кричал, надрываясь, изо всех сил дул на заиндевшую мембрану. Телефонная трубка была нема. «Днепр» не отвечал на тревожные вызовы «Алтая».

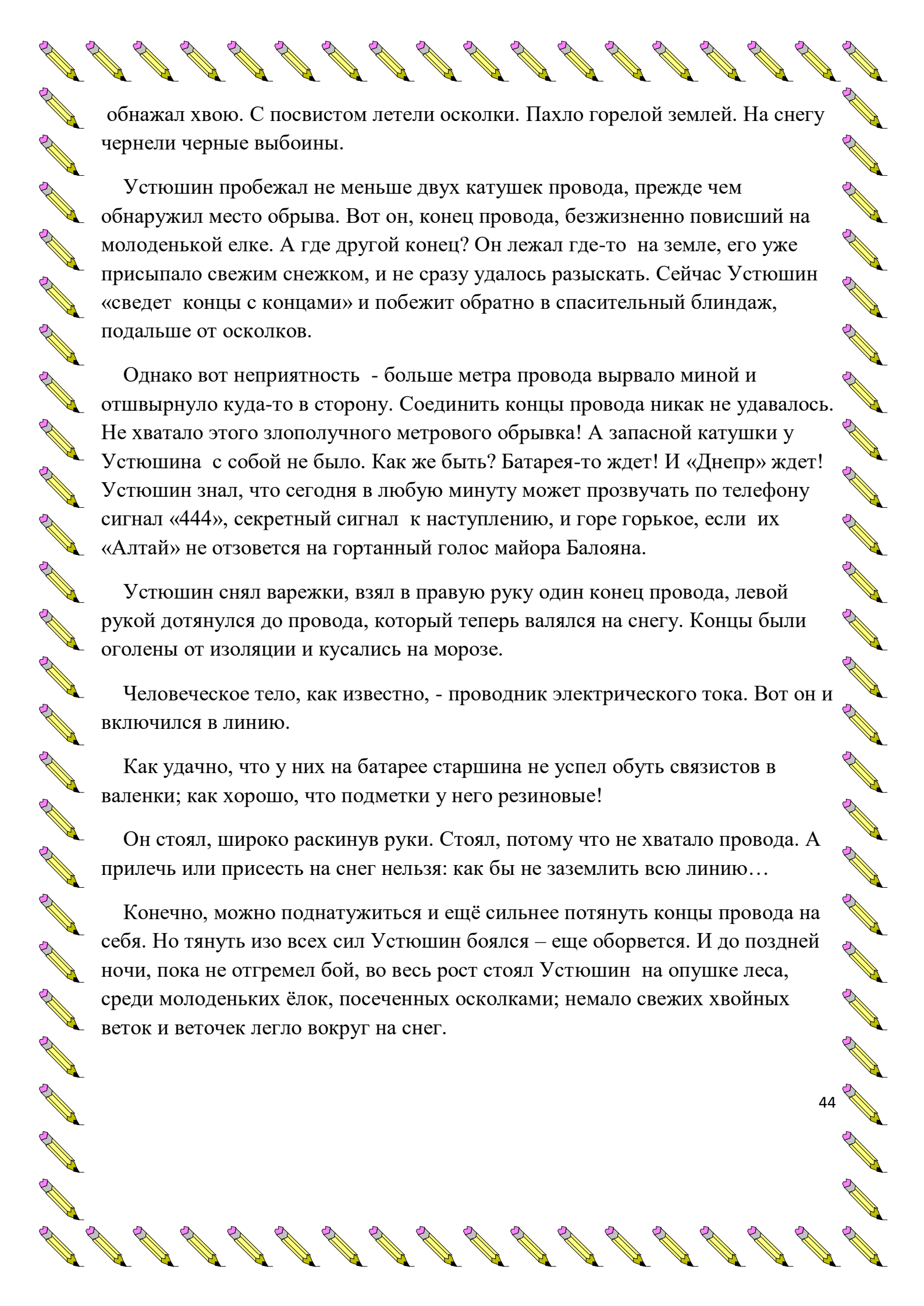
- Пропал «Днепр». Как воды в рот набрал, - сказал Устюшин самому себе голосом, охрипшим от крика и безнадежности. – Без вести пропал «Днепр»...

Устюшин молча передал трубку помощнику, выполз из блиндажа, осмотрелся. Он хотел переждать, пока утихнет обстрел, но обстрел не утихал. Теперь, когда он оказался под открытым небом, их блиндаж в два наката жидких брёвен – при каждом разрыве сквозь щели осыпался песок – показался ему могучей крепостью.

Устюшин глубже нахлобучил ушанку, натянул на руки тёплые варежки, словно тем самым лучше защитился от опасности, и побежал вдоль провода, проваливаясь в снег по колено, по пояс. Эх, жаль, старшина не успел выдать связистам валенки, приходится нырять по сугробам в сапогах! Хорошо, хоть раздобыл шерстяные портянки!

Провод тянулся от шеста к шесту, затем связывал елочки на опушке. Провод походил на толстый белый канат: сухой пушистый снег осел на нем.

Устюшин бежал, а мины по-прежнему рвались, будто догоняя его. Воздух словно дымился от близких разрывов. Снег белыми облачками падал с елей,

обнажал хвою. С посвистом летели осколки. Пахло горелой землей. На снегу чернели черные выбоины.

Устюшин пробежал не меньше двух катушек провода, прежде чем обнаружил место обрыва. Вот он, конец провода, безжизненно повисший на молоденькой елке. А где другой конец? Он лежал где-то на земле, его уже присыпало свежим снежком, и не сразу удалось разыскать. Сейчас Устюшин «сведет концы с концами» и побежит обратно в спасительный блиндаж, подальше от осколков.

Однако вот неприятность - больше метра провода вырвало миной и отшвырнуло куда-то в сторону. Соединить концы провода никак не удавалось. Не хватало этого злополучного метрового обрывка! А запасной катушки у Устюшина с собой не было. Как же быть? Батарея-то ждет! И «Днепр» ждет! Устюшин знал, что сегодня в любую минуту может прозвучать по телефону сигнал «444», секретный сигнал к наступлению, и горе горькое, если их «Алтай» не отзовется на гортанный голос майора Балояна.

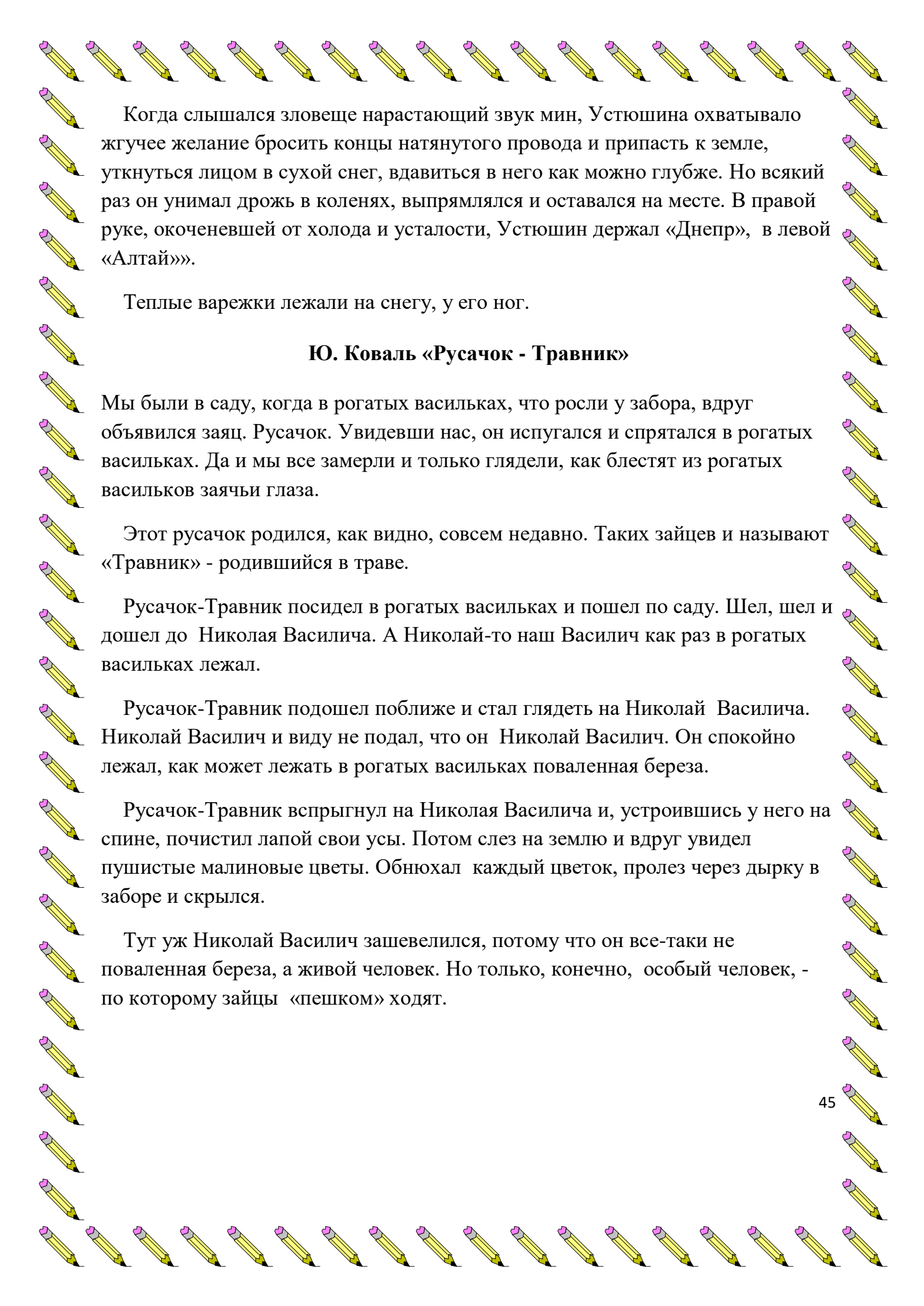
Устюшин снял варежки, взял в правую руку один конец провода, левой рукой дотянулся до провода, который теперь валялся на снегу. Концы были оголены от изоляции и кусались на морозе.

Человеческое тело, как известно, - проводник электрического тока. Вот он и включился в линию.

Как удачно, что у них на батарее старшина не успел обуь связистов в валенки; как хорошо, что подметки у него резиновые!

Он стоял, широко раскинув руки. Стоял, потому что не хватало провода. А прилечь или присесть на снег нельзя: как бы не заземлить всю линию...

Конечно, можно поднатужиться и ещё сильнее потянуть концы провода на себя. Но тянуть изо всех сил Устюшин боялся – еще оборвется. И до поздней ночи, пока не отгремел бой, во весь рост стоял Устюшин на опушке леса, среди молоденьких ёлок, посеченных осколками; немало свежих хвойных веток и веточек легло вокруг на снег.

Когда слышался зловеще нарастающий звук мин, Устюшина охватывало жгучее желание бросить концы натянутого провода и припасть к земле, уткнуться лицом в сухой снег, вдавиться в него как можно глубже. Но всякий раз он унимал дрожь в коленях, выпрямлялся и оставался на месте. В правой руке, окоченевшей от холода и усталости, Устюшин держал «Днепр», в левой «Алтай»».

Теплые варежки лежали на снегу, у его ног.

Ю. Коваль «Русачок - Травник»

Мы были в саду, когда в рогатых васильках, что росли у забора, вдруг объявился заяц. Русачок. Увидевши нас, он испугался и спрятался в рогатых васильках. Да и мы все замерли и только глядели, как блестят из рогатых васильков заячьи глаза.

Этот русачок родился, как видно, совсем недавно. Таких зайцев и называют «Травник» - родившийся в траве.

Русачок-Травник посидел в рогатых васильках и пошел по саду. Шел, шел и дошел до Николая Василича. А Николай-то наш Василич как раз в рогатых васильках лежал.

Русачок-Травник подошел поближе и стал глядеть на Николай Василича. Николай Василич и виду не подал, что он Николай Василич. Он спокойно лежал, как может лежать в рогатых васильках поваленная береза.

Русачок-Травник вспрыгнул на Николая Василича и, устроившись у него на спине, почистил лапой свои усы. Потом слез на землю и вдруг увидел пушистые малиновые цветы. Обнюхал каждый цветок, пролез через дырку в заборе и скрылся.

Тут уж Николай Василич зашевелился, потому что он все-таки не поваленная береза, а живой человек. Но только, конечно, особый человек, - по которому зайцы «пешком» ходят.

Ю. Коваль «Стожок»

У излучины реки Ялмы в старой баньке жил, между прочим, дядя Зуй.

Жил он не один, а с внучкою Нюркой, и было у него все, что надо: и куры, и корова.

- Свиньи вот только нету, - говорил дядя Зуй. - А на что хорошему человеку свинья?

Еще летом дядя Зуй накопил в лесу травы и сметал стожок сена; но не просто сметал - хитро: поставил стог не на землю, как все делают, а прямо на сани, чтобы сподручней было зимой сено из лесу вывезти.

А когда наступила зима, дядя Зуй про то сено забыл.

- Дед, - говорит Нюрка, - ты, что ж сено-то из лесу не везешь? Ай, позабыл?

- Какое сено? - удивился дядя Зуй, а после хлопнул себя по лбу и побежал к председателю лошадь просить.

Лошадь председатель дал хорошую, крепкую. На ней дядя Зуй скоро до места добрался. Смотрит - стожок его снегом занесен.

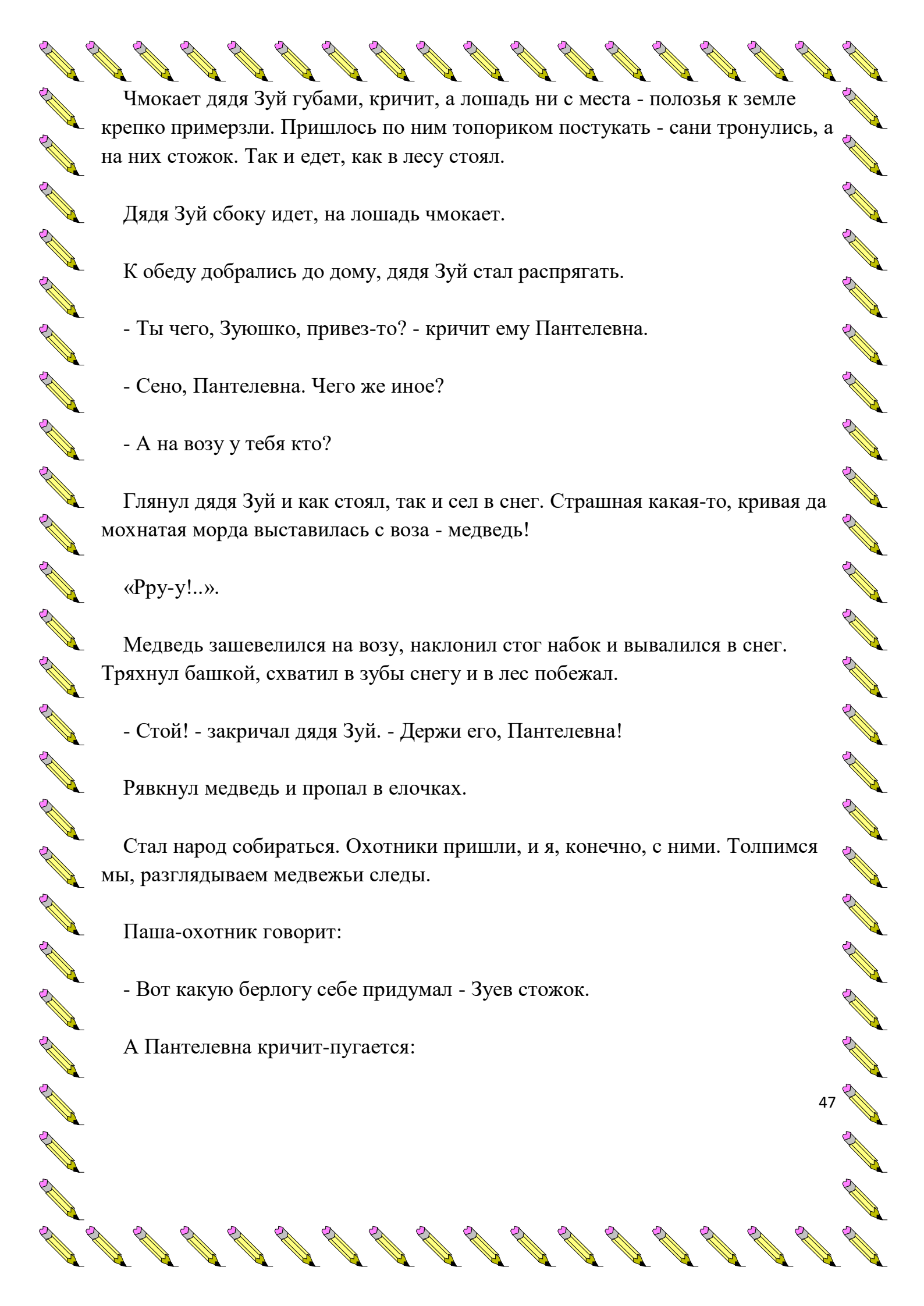
Стал он снег вокруг саней ногой раскидывать, оглянулся потом - нет лошади: ушла, проклятая!

Побежал вдогонку - догнал, а лошадь не идет к стогу, упирается.

«С чего бы это она, - думает дядя Зуй, - упирается-то?».

Наконец-таки запряг ее дядя Зуй в сани.

- Но-о-о!..

Чмокает дядя Зуй губами, кричит, а лошадь ни с места - полозья к земле крепко примерзли. Пришлось по ним топориком постучать - сани тронулись, а на них стожок. Так и едет, как в лесу стоял.

Дядя Зуй сбоку идет, на лошадь чмокает.

К обеду добрались до дому, дядя Зуй стал распрягать.

- Ты чего, Зуюшко, привез-то? - кричит ему Пантелевна.

- Сено, Пантелевна. Чего же иное?

- А на возу у тебя кто?

Глянул дядя Зуй и как стоял, так и сел в снег. Страшная какая-то, кривая да мохнатая морда выставилась с воза - медведь!

«Рру-у!...».

Медведь зашевелился на возу, наклонил стог набок и вывалился в снег. Тряхнул башкой, схватил в зубы снегу и в лес побежал.

- Стой! - закричал дядя Зуй. - Держи его, Пантелевна!

Рывкнул медведь и пропал в елочках.

Стал народ собираться. Охотники пришли, и я, конечно, с ними. Толпимся мы, разглядываем медвежьи следы.

Паша-охотник говорит:

- Вот какую берлогу себе придумал - Зуев стожок.

А Пантелевна кричит-пугается:

- Как же он тебя, Зуюшко, не укусил?..

- Да-а, - сказал дядя Зуй, - будет теперь сено медвежатиной разить. Его, наверно, и корова-то в рот не возьмет.

Е. Носов «Как ворона на крыше заблудилась»

Наконец-то наступил март! С юга потянуло влажным теплом. Хмурые неподвижные тучи раскололись и тронулись. Выглянуло солнце, и пошел по земле веселый бубенчатый перезвон капли, будто весна катила на невидимой тройке.

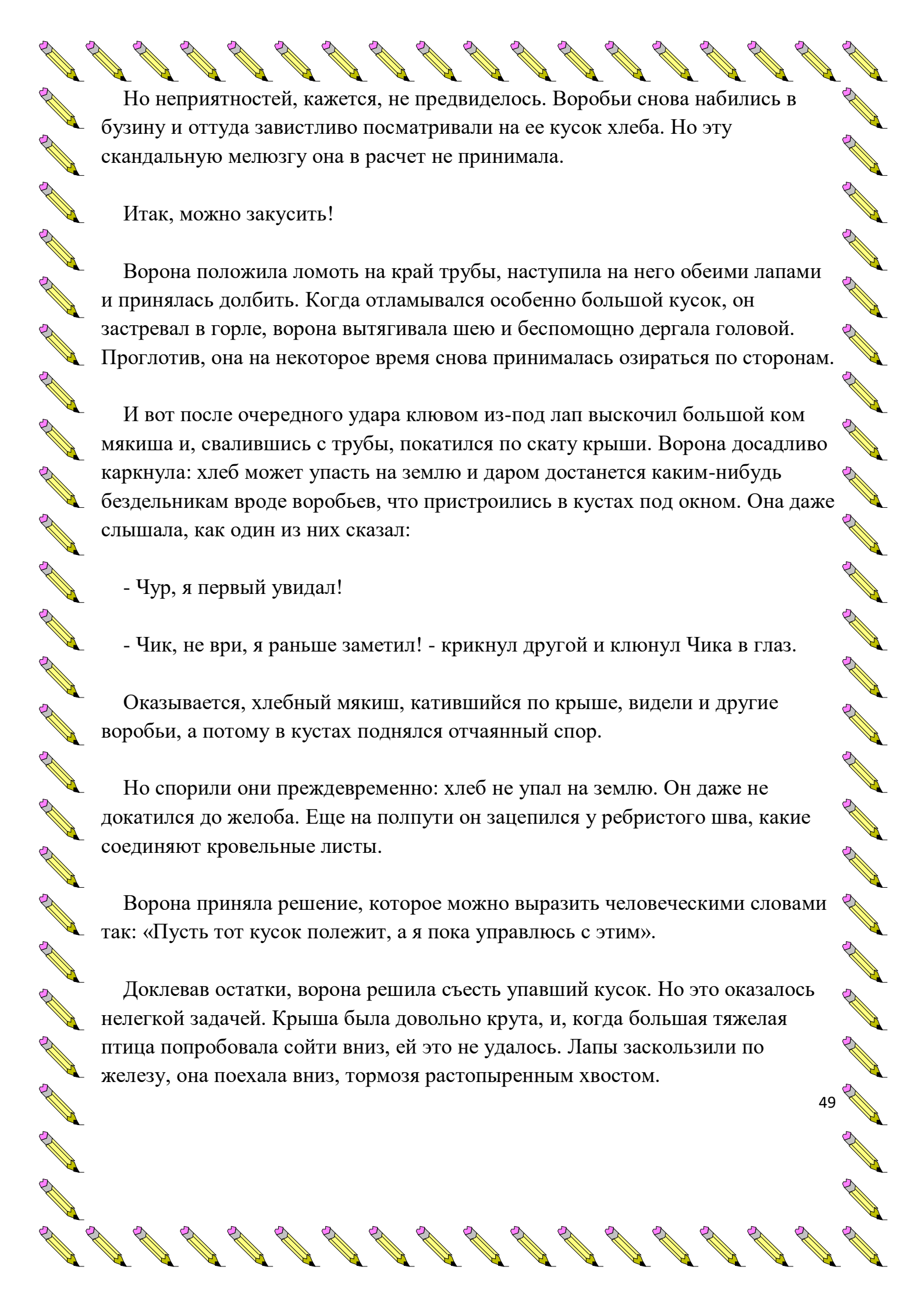
За окном, в кустах бузины, отогревшиеся воробьи подняли шумиху. Каждый старался изо всех сил, радуясь, что остался жив: «Жив! Жив! Жив!».

Вдруг с крыши сорвалась подтаявшая сосулька и угодила в самую воробьиную кучу. Стая с шумом, похожим на внезапный дождь, перелетела на крышу соседнего дома. Там воробьи расселись рядком на гребне и только было успокоились, как по скату крыши скользнула тень большой птицы. Воробьи враз свалились за гребень.

Но тревога была напрасной. На печную трубу опустилась обыкновенная ворона, такая же, как и все другие вороны в марте: с забрызганным грязью хвостом и взъерошенным загривком. Зима заставила ее позабыть о чувстве собственного достоинства, о туалете, и она правдой и неправдой с трудом добывала хлеб свой насущный.

Кстати, сегодня ей повезло. В клюве она держала большой ломоть хлеба.

Усевшись, она подозрительно осмотрелась: не видно ли поблизости ребяташек. И что за привычка у этих сорванцов бросаться камнями? Потом она оглядела ближайшие заборы, деревья, крыши: там могли оказаться другие вороны. Они тоже не дадут спокойно перекусить. Сейчас же слетятся и полезут в драку.

Но неприятностей, кажется, не предвиделось. Воробьи снова набились в бузину и оттуда завистливо посматривали на ее кусок хлеба. Но эту скандальную мелюзгу она в расчет не принимала.

Итак, можно закусить!

Ворона положила ломоть на край трубы, наступила на него обеими лапами и принялась долбить. Когда отламывался особенно большой кусок, он застревал в горле, ворона вытягивала шею и беспомощно дергала головой. Проглотив, она на некоторое время снова принималась озираться по сторонам.

И вот после очередного удара клювом из-под лап выскочил большой ком мякиша и, свалившись с трубы, покатился по скату крыши. Ворона досадливо каркнула: хлеб может упасть на землю и даром достанется каким-нибудь бездельникам вроде воробьев, что пристроились в кустах под окном. Она даже слышала, как один из них сказал:

- Чур, я первый увидал!

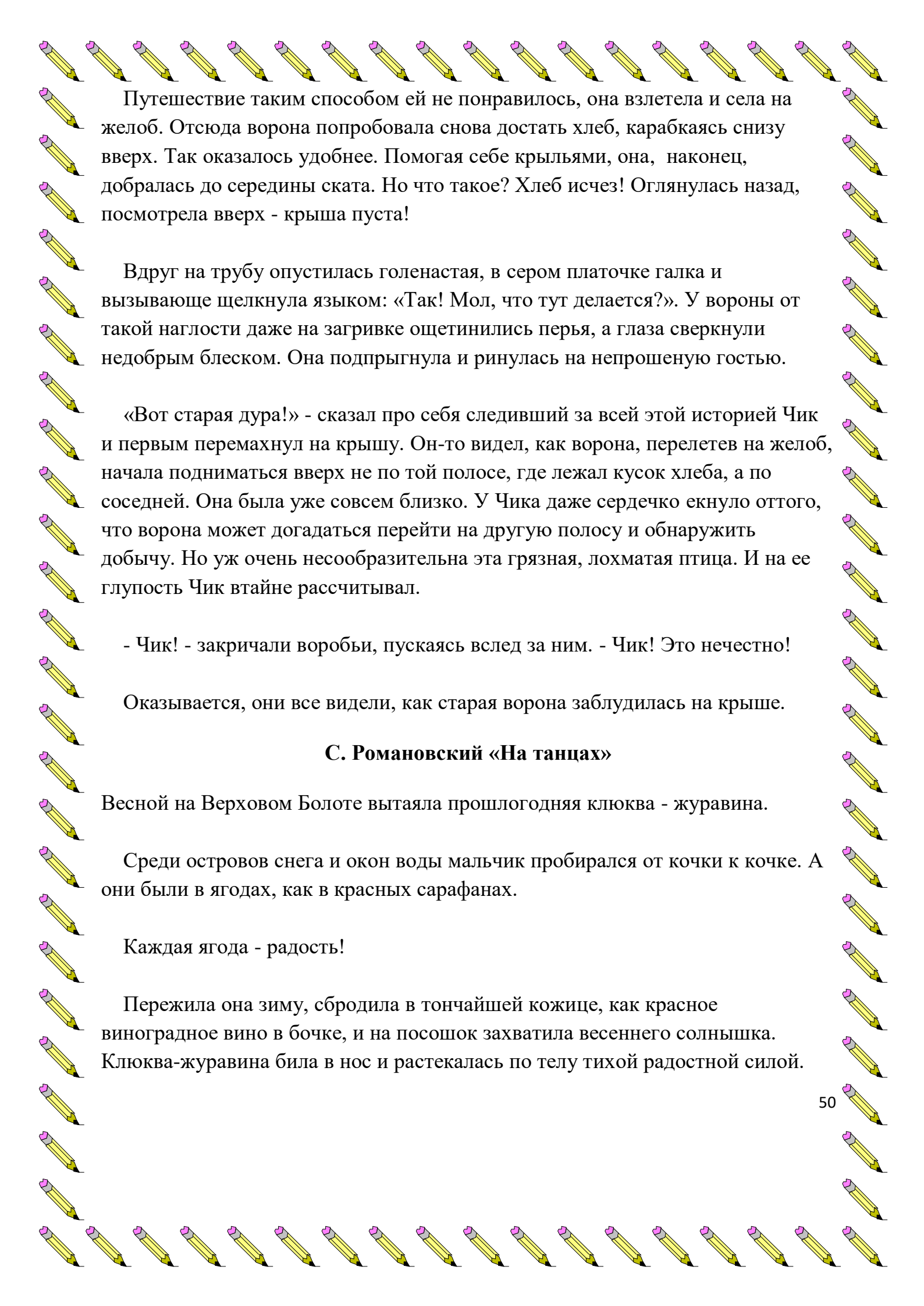
- Чик, не ври, я раньше заметил! - крикнул другой и клюнул Чика в глаз.

Оказывается, хлебный мякиш, катившийся по крыше, видели и другие воробьи, а потому в кустах поднялся отчаянный спор.

Но спорили они преждевременно: хлеб не упал на землю. Он даже не докатился до желоба. Еще на полпути он зацепился у ребристого шва, какие соединяют кровельные листы.

Ворона приняла решение, которое можно выразить человеческими словами так: «Пусть тот кусок полежит, а я пока управлюсь с этим».

Доклевав остатки, ворона решила съесть упавший кусок. Но это оказалось нелегкой задачей. Крыша была довольно крута, и, когда большая тяжелая птица попробовала сойти вниз, ей это не удалось. Лапы заскользили по железу, она поехала вниз, тормозя растопыренным хвостом.

Путешествие таким способом ей не понравилось, она взлетела и села на желоб. Отсюда ворона попробовала снова достать хлеб, карабкаясь снизу вверх. Так оказалось удобнее. Помогая себе крыльями, она, наконец, добралась до середины ската. Но что такое? Хлеб исчез! Оглянулась назад, посмотрела вверх - крыша пуста!

Вдруг на трубу опустилась голенастая, в сером платочке галка и вызывающе щелкнула языком: «Так! Мол, что тут делается?». У вороны от такой наглости даже на загривке ошетинились перья, а глаза сверкнули недобрым блеском. Она подпрыгнула и ринулась на непрошеную гостью.

«Вот старая дура!» - сказал про себя следивший за всей этой историей Чик и первым перемахнул на крышу. Он-то видел, как ворона, перелетев на желоб, начала подниматься вверх не по той полосе, где лежал кусок хлеба, а по соседней. Она была уже совсем близко. У Чика даже сердечко екнуло оттого, что ворона может догадаться перейти на другую полосу и обнаружить добычу. Но уж очень несообразительна эта грязная, лохматая птица. И на ее глупость Чик втайне рассчитывал.

- Чик! - закричали воробьи, пускаясь вслед за ним. - Чик! Это нечестно!

Оказывается, они все видели, как старая ворона заблудилась на крыше.

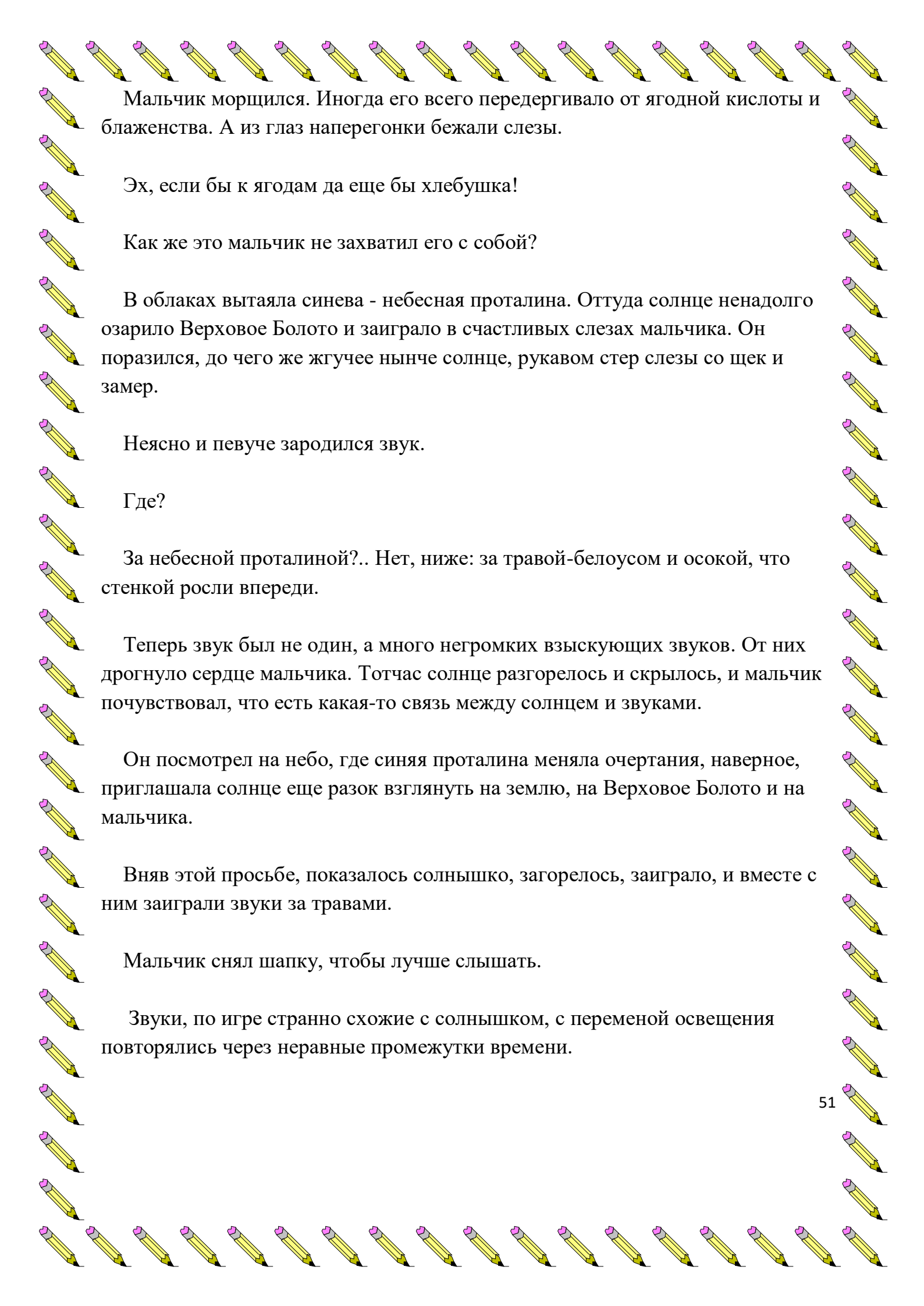
С. Романовский «На танцах»

Весной на Верховом Болоте вытаяла прошлогодняя клюква - журавина.

Среди островов снега и окон воды мальчик пробирался от кочки к кочке. А они были в ягодах, как в красных сарафанах.

Каждая ягода - радость!

Пережила она зиму, сбродила в тончайшей кожице, как красное виноградное вино в бочке, и на посошок захватила весеннего солнышка. Клюква-журавина била в нос и растекалась по телу тихой радостной силой.

Мальчик морщился. Иногда его всего передергивало от ягродной кислоты и блаженства. А из глаз наперегонки бежали слезы.

Эх, если бы к ягодам да еще бы хлебушка!

Как же это мальчик не захватил его с собой?

В облаках вытаяла синева - небесная проталина. Оттуда солнце ненадолго озарило Верховое Болото и заиграло в счастливых слезах мальчика. Он поразился, до чего же жгучее нынче солнце, рукавом стер слезы со щек и замер.

Неясно и певуче зародился звук.

Где?

За небесной проталиной?.. Нет, ниже: за травой-белосом и осокой, что стенкой росли впереди.

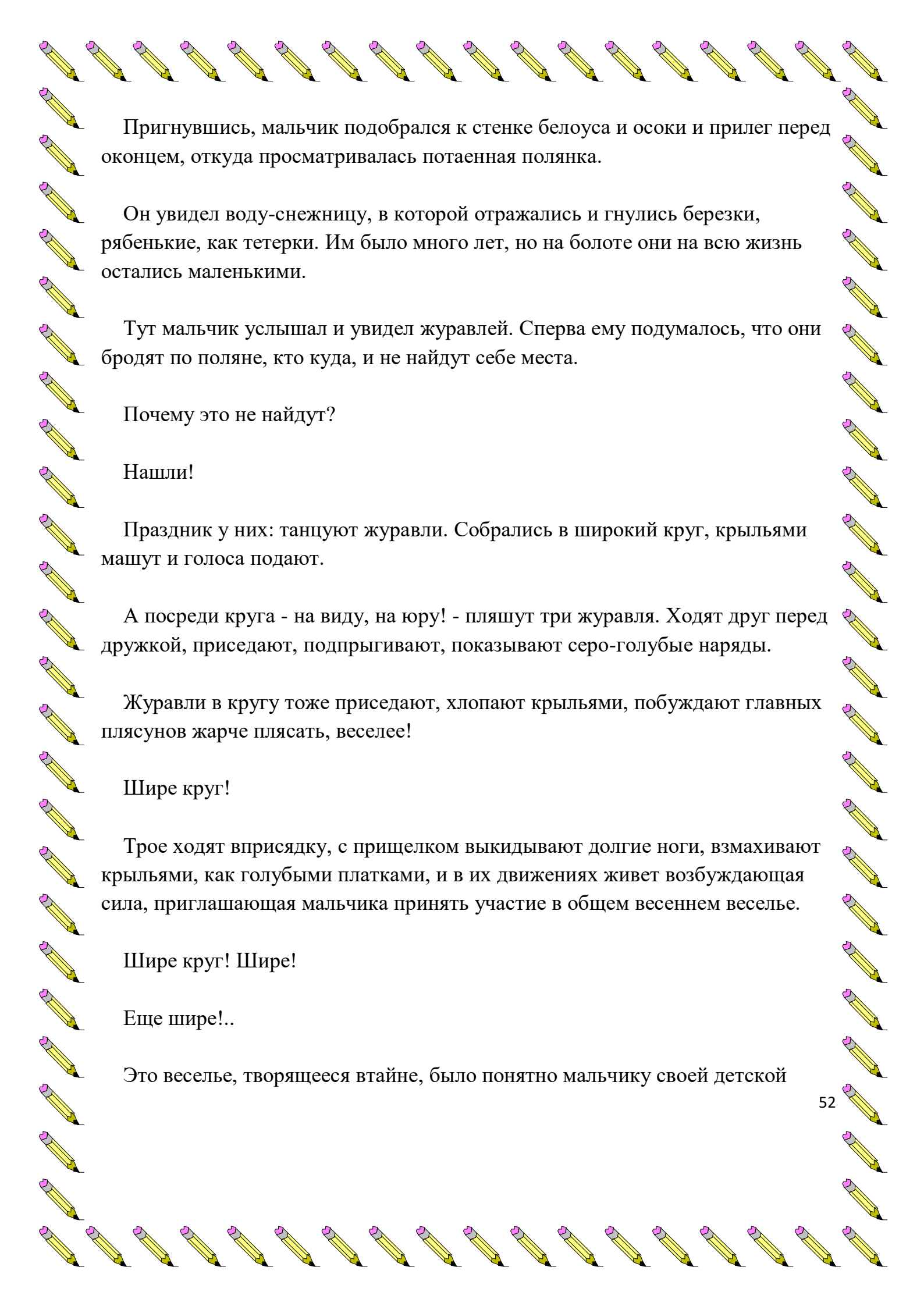
Теперь звук был не один, а много негромких взыскующих звуков. От них дрогнуло сердце мальчика. Тотчас солнце разгорелось и скрылось, и мальчик почувствовал, что есть какая-то связь между солнцем и звуками.

Он посмотрел на небо, где синяя проталина меняла очертания, наверное, приглашала солнце еще разок взглянуть на землю, на Верховое Болото и на мальчика.

Вняв этой просьбе, показалось солнышко, загорелось, заиграло, и вместе с ним заиграли звуки за травами.

Мальчик снял шапку, чтобы лучше слышать.

Звуки, по игре странно схожие с солнышком, с переменной освещенности повторялись через неравные промежутки времени.

Пригнувшись, мальчик подобрался к стенке белоуса и осоки и прилег перед окном, откуда просматривалась потаенная полянка.

Он увидел воду-снежицу, в которой отражались и гнулись березки, рябенькие, как тетерки. Им было много лет, но на болоте они на всю жизнь остались маленькими.

Тут мальчик услышал и увидел журавлей. Сперва ему подумалось, что они бродят по поляне, кто куда, и не найдут себе места.

Почему это не найдут?

Нашли!

Праздник у них: танцуют журавли. Собрались в широкий круг, крыльями машут и голоса подают.

А посреди круга - на виду, на юру! - пляшут три журавля. Ходят друг перед дружкой, приседают, подпрыгивают, показывают серо-голубые наряды.

Журавли в кругу тоже приседают, хлопают крыльями, побуждают главных плясунов жарче плясать, веселее!

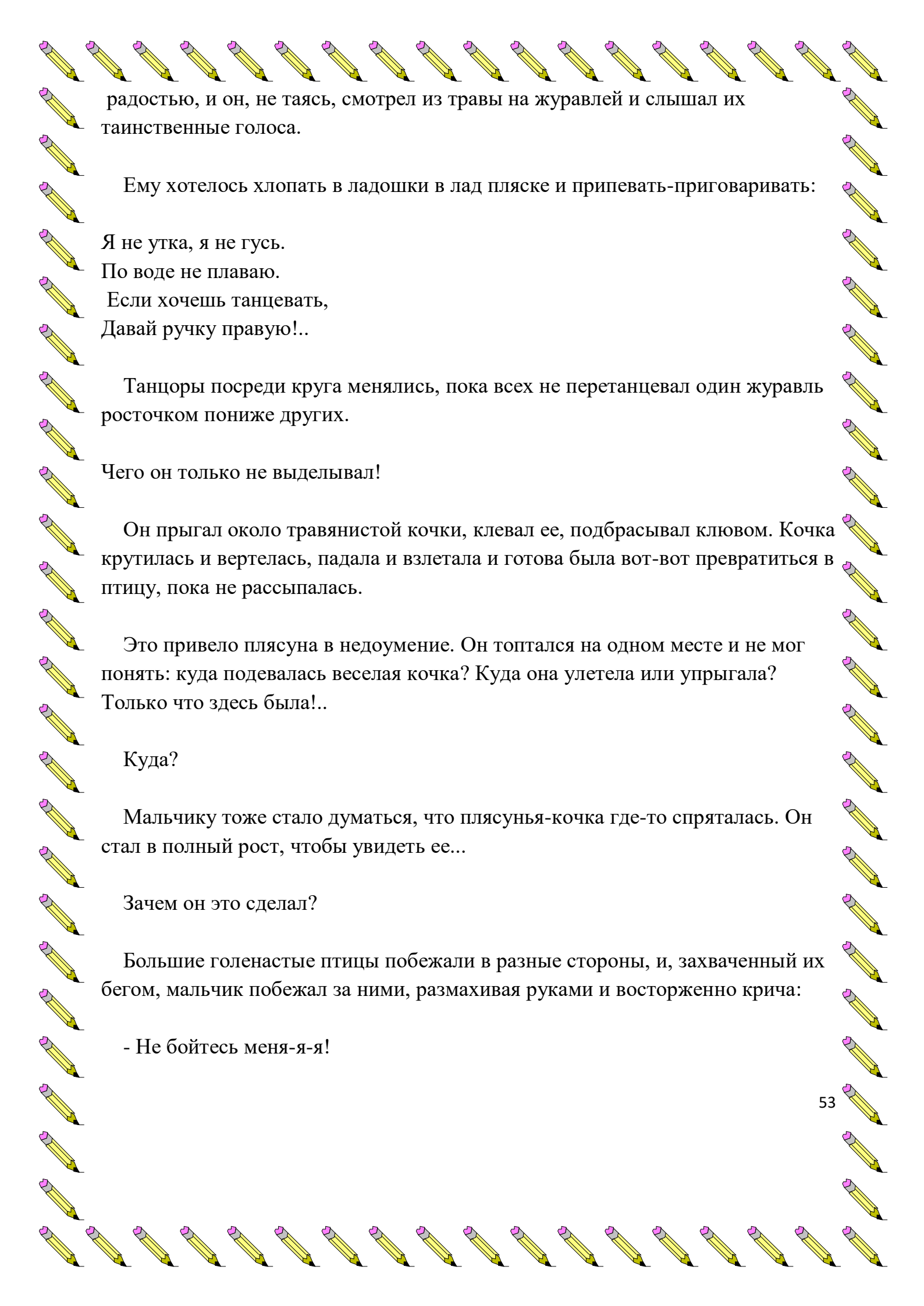
Шире круг!

Трое ходят вприсядку, с прищелком выкидывают длинные ноги, взмахивают крыльями, как голубыми платками, и в их движениях живет возбуждающая сила, приглашающая мальчика принять участие в общем весеннем веселье.

Шире круг! Шире!

Еще шире!..

Это веселье, творящееся втайне, было понятно мальчику своей детской

радостью, и он, не таясь, смотрел из травы на журавлей и слышал их таинственные голоса.

Ему хотелось хлопать в ладошки в лад пляске и припевать-приговаривать:

Я не утка, я не гусь.
По воде не плаваю.
Если хочешь танцевать,
Давай ручку правую!..

Танцоры посреди круга менялись, пока всех не перетанцевал один журавль росточком пониже других.

Чего он только не выделявал!

Он прыгал около травянистой кочки, клевал ее, подбрасывал клювом. Кочка крутилась и вертелась, падала и взлетала и готова была вот-вот превратиться в птицу, пока не рассыпалась.

Это привело плясуна в недоумение. Он топтался на одном месте и не мог понять: куда подевалась веселая кочка? Куда она улетела или упрыгала? Только что здесь была!..

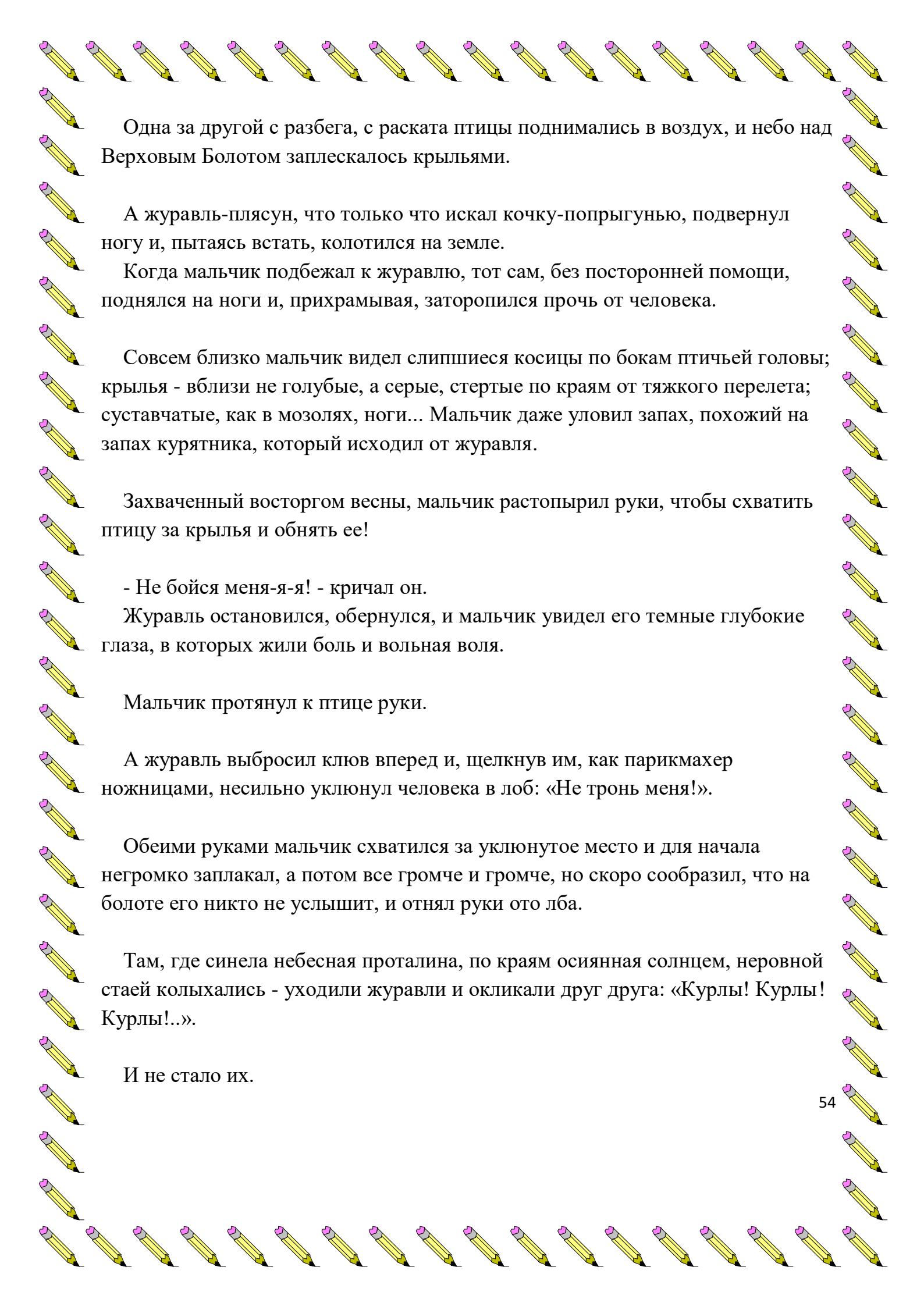
Куда?

Мальчику тоже стало думать, что плясунья-кочка где-то спряталась. Он стал в полный рост, чтобы увидеть ее...

Зачем он это сделал?

Большие голенастые птицы побежали в разные стороны, и, захваченный их бегом, мальчик побежал за ними, размахивая руками и восторженно крича:

- Не бойтесь меня-я-я!

Одна за другой с разбега, с раската птицы поднимались в воздух, и небо над Верховым Болотом заплескалось крыльями.

А журавль-плясун, что только что искал кочку-попрыгунью, подвернул ногу и, пытаясь встать, колотился на земле.

Когда мальчик подбежал к журавлю, тот сам, без посторонней помощи, поднялся на ноги и, прихрамывая, заторопился прочь от человека.

Совсем близко мальчик видел слипшиеся косицы по бокам птичьей головы; крылья - вблизи не голубые, а серые, стертые по краям от тяжелого перелета; суставчатые, как в мозолях, ноги... Мальчик даже уловил запах, похожий на запах курятника, который исходил от журавля.

Захваченный восторгом весны, мальчик растопырил руки, чтобы схватить птицу за крылья и обнять ее!

- Не бойся меня-я-я! - кричал он.

Журавль остановился, обернулся, и мальчик увидел его темные глубокие глаза, в которых жили боль и вольная воля.

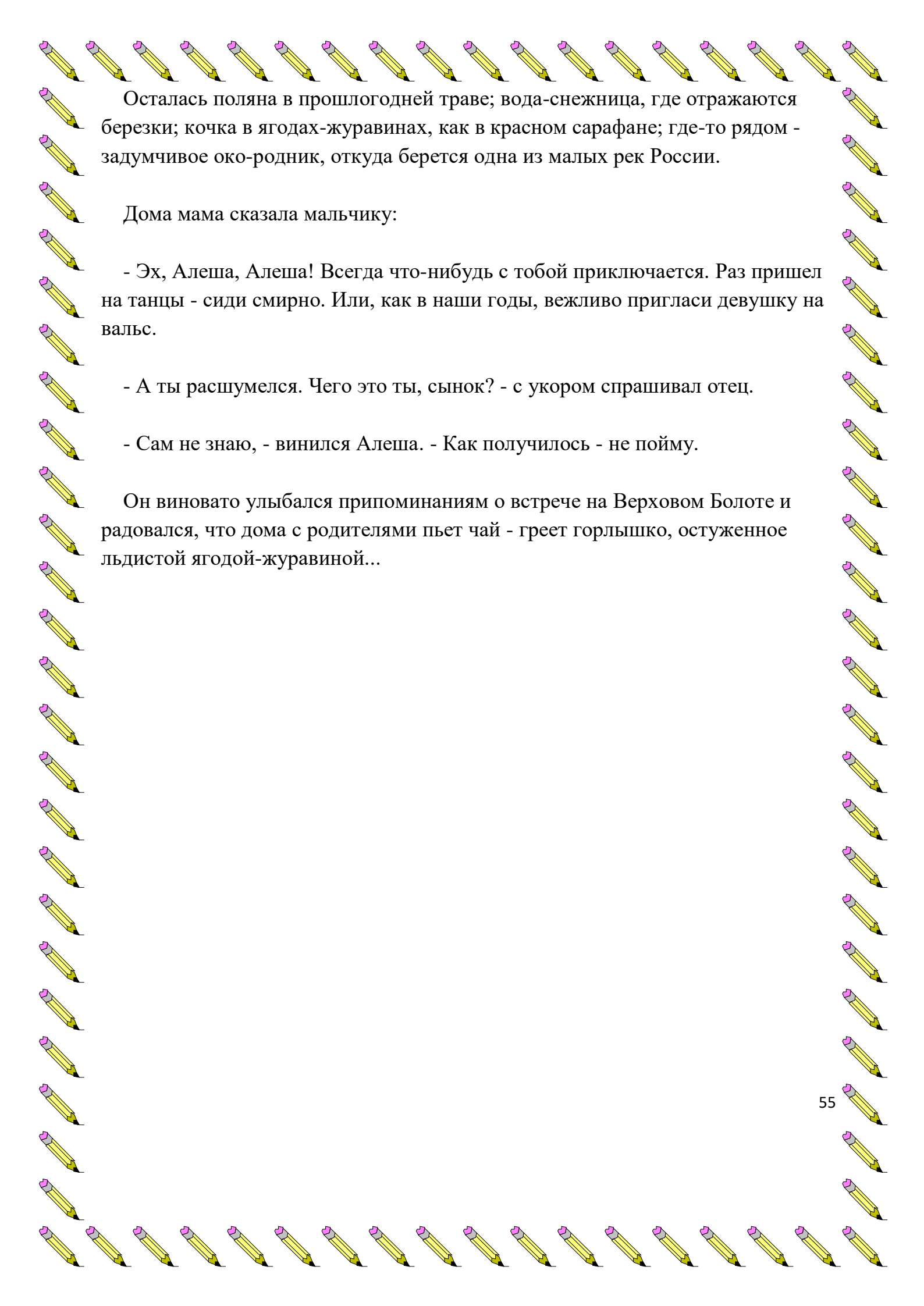
Мальчик протянул к птице руки.

А журавль выбросил клюв вперед и, щелкнув им, как парикмахер ножницами, несильно уклюнул человека в лоб: «Не тронь меня!».

Обеими руками мальчик схватился за уклюнутое место и для начала негромко заплакал, а потом все громче и громче, но скоро сообразил, что на болоте его никто не услышит, и отнял руки ото лба.

Там, где синела небесная проталина, по краям осиянная солнцем, неровной стаей колыхались - уходили журавли и окликались друг друга: «Курлы! Курлы! Курлы!..».

И не стало их.

Осталась поляна в прошлогодней траве; вода-снежница, где отражаются березки; кочка в ягодах-журавинах, как в красном сарафане; где-то рядом - задумчивое око-родник, откуда берется одна из малых рек России.

Дома мама сказала мальчику:

- Эх, Алеша, Алеша! Всегда что-нибудь с тобой приключается. Раз пришел на танцы - сиди смирно. Или, как в наши годы, вежливо пригласи девушку на вальс.

- А ты расшумелся. Чего это ты, сынок? - с укором спрашивал отец.

- Сам не знаю, - винулся Алеша. - Как получилось - не пойму.

Он виновато улыбался припоминаниям о встрече на Верховом Болоте и радовался, что дома с родителями пьет чай - греет горлышко, остуженное льдистой ягодой-журавиной...